

Завтра наша страна отметит традиционный праздник — День шахтера. Советский народ будет чествовать многомиллионную армию работников угольной промышленности — одной из основных отраслей социалистической экономики.

За последние годы заметно изменилась география угольной промышленности. — сказал заместитель министра угольной промышленности СССР тов. Б. Братченко корреспонденту «Литературной газеты». — Расширились не только районы добычи угля, но и созданы новые бассейны на востоке и севере нашей страны.

Громадные изменения произошли в технике, добыче, организации производства и труде шахтеров. Наша угольная промышленность оснащена богатой современной техникой и является самой механизированной в мире.

Многие рутинные процессы труда переложены на плечи машин. Полностью механизированы забойка, отбойка, транспортировка и погрузка угля в железнодорожные вагоны. Угольные комбайны дали возможность повысить производительность труда рабочих в забое на 45 процентов. Из года в год увеличивается добыча угля открытым способом. Производительность труда рабочих здесь в три-четыре раза выше по сравнению с добычей в шахтах.

Исключительное внимание уделяется проблеме подземной газификации углей. «Настанет, вероятно, со временем даже такая эпоха», — писал великий русский ученый Д. И. Менделеев, — что угля из земли вынимать не будут, а там и земли, сумеют его доставлять в горячие газы и в их трубах будут распространять на далекие расстояния». Эта великая идея сейчас успешно воплощается в жизнь. У нас уже работает несколько станций подземной газификации.

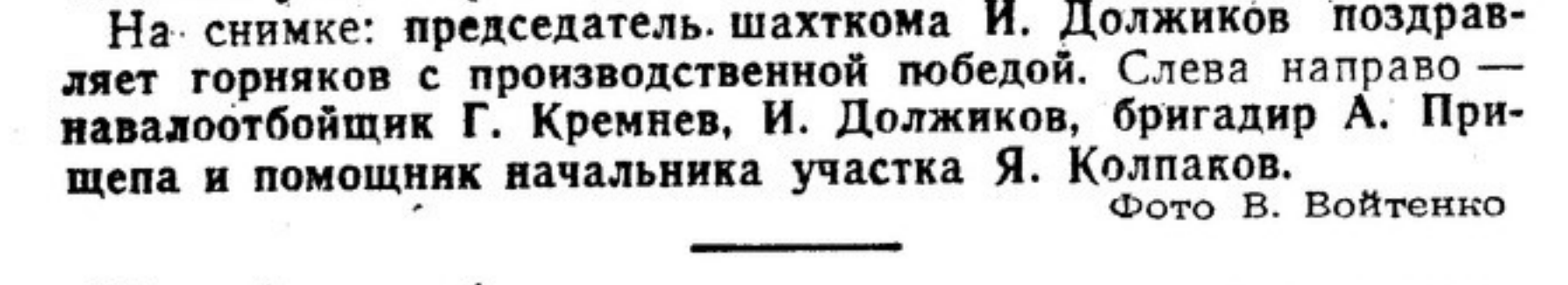
О больших достижениях работников угольной промышленности говорят цифры: по сравнению с 1924—1925 годом добыча угля возросла более чем в девятнадцать раз, производительность труда увеличилась в три с половиной раза.

В первых шеренгах передовиков социалистического соревнования идут к своему празднику шахтеры Ростовского, Челябинского, Свердловского и Печерского угольных бассейнов. Особенно следует отметить коллектив шахты «Западная-капитальная» Ростовского бассейна. Более ста забоев этой шахты сейчас переведены на односторонний режим работы. Эта ценная инициатива дала возможность поднять производительность труда на 20 процентов и повысить добычу угля на 46 процентов при сокращенном штате рабочих более чем на 30 процентов.

За последние годы значительно расширилась учебная сеть шахтерских кадров. В производственно-технических школах ежегодно проходит подготовку и переподготовку 350 тысяч горняков. Полностью рабочих угольной промышленности имеет неполное среднее и среднее образование. Десятки тысяч шахтеров, окончив специальные технические курсы и школы, в короткие сроки освоили новую технику и настойчиво повышают производительность труда. Вместе с учеными, инженерами и техниками они создают и внедряют в жизнь новейшие методы производства.

Партия и Советское правительство окружают шахтеров особой заботой. Они получают высокую заработную плату, повышенные пенсии, единовременные награждения за выслугу лет. Около тридцати тысяч рабочих угольной промышленности награждены орденами и медалями Советского Союза. Для шахтеров выстроены благоустроенные поселки, многоэтажные жилые дома, клубы, дворцы культуры, дома отдыха, санатории, стадионы.

Отмечая традиционный праздник, советские шахтеры демонстрируют свою решимость усилить успехи в труде и полностью обеспечить потребности народного хозяйства в топливе.



Коллектив участка № 1 переловой шахты № 16 имени Л. М. Кагановича участка «Красноугольная» Ворошиловградской области добился большой производственной победы: соразмерил в честь Дня шахтера, горняки выдали более пяти тысяч тонн угля сверх плана.

На снимке: председатель шахткома И. Должиков поздравляет горняков с производственной победой. Слева направо — навалотбойщик Г. Кремнев, И. Должиков, бригадир А. Прищепа и помощник начальника участка Я. Колпаков.

### Чтобы обезопасить труд горняка

У нас в стране работают специальные институты, призванные охранять условия труда советских людей.

В связи с наступающим Днем шахтера корреспондент «Литературной газеты» попросил начальника Технического управления по эксплуатации Министерства угольной промышленности СССР тов. С. Островского рассказать, как обеспечивается безопасность работы шахтеров.

— Советские ученые и инженеры, — сказал С. Островский, — провели большие научно-исследовательские работы, чтобы создать наиболее благоприятные условия труда в шахтах. Наши шахтеры работают в самых гигиеничных условиях. В подземные выработки подается столько свежего воздуха, сколько его надо для нормальной работы. Создано много взрыво-безопасной и искробезопасной аппаратуры.

Чтобы обезопасить труд шахтеров, в угольных и рудных шахтах начали применять новый оригинальный аппарат — геогон. Он автоматически фиксирует нарастающие разрушительные процессы в горных породах, дает знать о возникновении опасности внезапного выброса угля и газа.

Устройство нового сигнального аппарата простое: несколько патროнов с элементами закладывают в различных местах выработок, а патроны соединяют проводами с усилителем. Движение горных пород и производимый при этом звук мгновенно передается аппарату и записываются на ленту. Если грозы опасность обвала, геогон подает сигнал тревоги. Люди покидают участок. Таким образом, прибор уже оборудован в десятках советских шахт.

В короткой беседе трудно рассказать о всех работах по улучшению техники безопасности в угольной промышленности, — сказал в заключение С. Островский. — Но нельзя не отметить огромную роль советских ученых и инженеров в борьбе с внезапными выбросами угля и газа наиболее опасными явлениями при подземных работах.

В течение двух последних лет Академия наук СССР и Министерство угольной промышленности СССР — четырнадцать научных институтов — изучали причины внезапных выбросов угля и газа. Новые работы, проведенные под руководством Героя Социалистического Труда академика А. Скочинского, значительно углубили и продвинули вперед познания о внезапных выбросах и позволили выработать наиболее действенные меры борьбы с ними. Можно с уверенностью сказать, что такая работа по своим масштабам была под силу только советской науке, стоящей на страже здоровья трудящихся.

### Пленум правления ССП Таджикистана

СТАЛИНАБАД (Наш корр.). Состоялся первый пленум нового правления Союза советских писателей Таджикистана. Председателем правления ССП избран Мирзо Турсун-заде, заместителем — Рахим Джаали, ответственным секретарем — Мирсайд Миршакар.

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА  
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 103 (3287)

Суббота, 28 августа 1954 г.

Цена 40 коп.

## ПЕРЕВОДИТЬ ПРОДУМАННО И ПЛАНОВЕРНО!

Призывая всемерно популяризировать литературное творчество народов СССР, Горький говорил:

«... Искусство — это художественная литература — содействует взаимному пониманию людей друг друга; рабочие и крестьяне Союза Социалистических Советов должны хорошо знать своих соседних языков, к этому их обязывает единство цели: создание новых форм государственной жизни. Чем лучше будут знать различные племена, тем единодушнее, быстрее, успешнее будет их движение к намеченной великой цели».

Большие изменения произошли в нашей многонациональной литературе с тех пор, как эти слова были произнесены Горьким. Выросли и окрепли молодые литературы. Народы, вчера еще не имевшие своей письменности, сегодня по праву гордятся произведениями, которые переведены на многие языки народов СССР.

Мало кто до революции имел представление о нравах и быте народа Тувы. А теперь по всей стране читают первое прозаическое произведение тувинской литературы — повесть Салчак Тока «Слово араба» — о беспорядочной жизни скотоводов-кочевников при царизме. Только в 1924 году киргизский народ получил письменность. А сегодня во всех республиках известны стихи киргизских поэтов Алыкула Осмонова и Ады Токомбаева, произведения прозаиков Касымалы Байзинова и Тугельбая Сыдыкбекова.

Всем народам СССР стало доступно все лучшее, что веками накапливалось в сокровищнице мировой культуры. На десятках языков народов Советского Союза выходят газеты и журналы. Миллионными тиражами издаются книги. В нашей стране никого не удивляет, что в доме казах-рабочего на казахском языке стоят переведенные на казахский язык рассказы Чехова и сказки Шеридана, «Дон Кихот» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, рассказы Джека Лондона и повести Марка Твена. На родном языке читает произведения Пушкина и Гюго таджикский хлопкороб. В Эстонии в книжных магазинах продаются книги Айни и Нерулы.

Неуклонно проводится ленинско-сталинская национальная политика. Коммунистическая партия сплотила советские народы в нерушимую дружную семью. Партия повсюду заботится о быстром и всеобщем расцвете культуры во всех республиках, национальных областях и округах. За годы советской власти навсегда исчезли преграды, которыми правящие классы стремились прежде отделить одну национальную культуру от другой. Нигде еще не были так многообразны и тесны культурные связи народов нашей страны. Постоянное взаимообогащение национальных культур, отсутствие замкнутости и ограниченности способствуют непрекращающемуся подъему социалистических культур всех народов Советского Союза.

Издание в братских республиках романов Н. Островского «Как закалялась сталь» и А. Фадеева «Молодая гвардия» идейно обогащает национальные литературы, сыграло серьезную роль в коммунистическом воспитании молодежи и на фронтах Ала-Тая и на Карнатах, и на берегах Куры и Сыр-Дарьи. Выход в свет произведений Шолохова в переводах на многие языки народов СССР оказывает благотворное влияние на уровень художественного мастерства национальных писателей. Постановка пьес А. Корнейчука за пределами Украины открывает новые возможности перед местными драматургами, обогащает их опыт.

Издание переводной художественной литературы в республиках расширяет и укрепляет связи разноязычных литератур. Издательство, выпускающее художественную литературу в переводах на язык братских народов, знает делом большую важность, делом, требующим постоянного внимания со стороны писательских организаций и литературной общественности. И очень жаль, что на состоявшихся в последнее время в союзных и автономных республиках съездах писателей мало говорилось об этом ответственном участке литературного фронта. Это тем более удивительно, что работа многих республиканских издательств по переводу художественной литературы не соответствует возросшим культурным запросам советских людей.

Обратимся для примера к продукции грузинских издательств. За 32 года (с 1921 по июнь 1953 года) в Грузии переведено 639 книг. Такая внушительная цифра заставляет думать, что грузинский читатель уже обладает солидной, продуманной составленной библиотечкой, в которой представлено все лучшее, чем богаты художественное творчество разных народов. К сожалению, большие возможности не были рационально использованы издательствами, и многие книги до сих пор не переведены.

Остро дает себя знать крайняя «скудность» в издании классической русской литературы. Довольно полно переведены только Пушкин, Лермонтов и Некрасов. Нет на грузинском языке произведений Гюго, Достоевского, Толстого, Тургенева, а творчество Островского представлено лишь одним сборником, состоящим из четырех пьес. Мало интересуются грузинские издательства творчеством Шеридана. Они выпустили лишь две книги великого сатирика: в 1937 году — «Помпадур и помпадурин», а через 13 лет — «Сказки». Некоторые произведения Гюго и Толстого вышли в свет до войны и с тех пор не переиздавались. Впрочем, и до войны их вышло не так уж много: 4—6 произведений каждого писателя.

Пожалуй, еще хуже обстоит дело с изданием произведений русских советских писателей. На грузинском языке не вышли ни одной книги А. Макаренки, К. Федина, Л. Леонова, А. Твардовского. «Цемент» Ф. Гладкова на грузинском языке был напечатан в 1928 году. «Железный поток» А. Серафимовича — в 1929-м. «Поднятая целина» М. Шолохова — в 1934-м. «Чапаев» Д. Фурманова — в 1938-м. Вряд ли сейчас можно получить эти книги в библиотеке, ведь после их выхода в свет прошло 20—30 лет, и изданы были произведения Ф. Гладкова и А. Серафимовича тиражом 2.000, М. Шолохова — 3.000 экземпляров.

Но особенно поражает равнодушное отношение грузинских издательств к переводу книг М. Горького. Из крупных произведений Горького переведены только «Мать», «Мои университеты», «Дело Артамоновых» и «Детство». Причем перевод три книги вышел более 20 лет назад маленькими тиражами и давно стали библиографической редкостью.

Около 40 процентов книг, переведенных на грузинский язык, — это иностранная литература. С французского, например, переведено больше книг, чем с языков народов Средней Азии, Прибалтики, Украины, Белоруссии. Но, нарушив пропорции и уделяя основное внимание переводом зарубежной литературы, издательства, однако, мало позаботились о том, чтобы познакомить читателя с лучшими образцами западноевропейского искусства, классического и современного. Среди вышедших книг мы не найдем произведений Негге, Арагона, Зегера, Салюанья, Пуйманови, Бределя. Зато шесть раз издавался роман Велье «Тристан и Изольда» (дважды только за послевоенные годы). После войны выпущены три книги Киплинга, переведены выходящие в издательстве «Рене» Шабриана, «Поль и Виргиния» Бернарден де Сен-Пьера.

Несмотря на то, что в Грузии довольно широко издаются произведения армянских, украинских, абхазских и осетинских писателей, в общем работа по переводу братских литератур требует серьезных дополнительных усилий со стороны издательства и переводчиков. Есть в Грузии «забытые» литературы: ни одной книги не переведено с литовского, киргизского и туркменского языков. Плохо дело обстоит с изданием книг писателей Латвии, Эстонии, Таджикистана и Узбекистана. Бакая из этих литератур представлена всего одной книгой.

Ясно видно, что в Грузии переводы выполняются без четкого плана, без продуманной системы. Запросы читателей здесь по-настоящему не учитываются. И Грузии не является исключением. Судя по данным республиканских книжных палат — где на июль 1953 г., а где на январь 1954 г., — несколько можно наблюдать и в некоторых других республиках.

Как оценить работу таджикских издательств, если до сих пор в республике издано в переводе лишь одно стихотворение В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», и те читатели, которые слабо владеют русским языком, лишены возможности читать вдохновенные строки пламенного поэта революции?

Как могло получиться, что в Биргии до сих пор не переведена повесть М. Горького «Мать», а в Туркмении не издан «Чапаев» Фурманова?

Большой счет следует предъявить литературным и издательским работникам многих республик, не обеспечившим перевод и издание ценнейших произведений классической литературы. В шести республиках нет в переводах ни одного произведения Гончарова. Нет на таджикском и киргизском языках романов Тургенева. До сих пор в Белоруссии, Таджикистане и Туркмении не переведены произведения Шеридана. Выход в свет сочинений этих и других художников не только обогатил бы читателей, но и оказал бы положительное влияние на развитие литературы в республиках.

Особенно плохо обстоит дело в республиках со взаимным переводом и изданием произведений братских литератур. В лучшем случае литература народов СССР составляет в республиках только десятую часть всех переводных книг. Работа эта пущена на самотек. В свет обычно выходит то, что предлагается переводчиками. В Таджикистане за первые восемь послевоенных лет выпущено всего три книги писателей братских республик, в Туркмении — четыре. В Белоруссии, Киргизии и Казахстане можно наблюдать приблизительно такую же картину: после войны в каждой из этих республик не переведено с языков народов СССР и двух десятков книг.

Невниманием к делу издания братских литератур привлекло к тому, что прозаические произведения белорусских писателей до сих пор не переведены ни в одной из республик, а книги литовских и эстонских писателей, представляющих сильные отряды советских литераторов, появились только в четырех республиках.

Издаются книги крайне медленно. Три года продолжалась в Армении подготовка романа М. Шолохова «Тихий Дон». В Азербайджане «Тихий Дон» издавался 16 лет (с 1935 по 1951 год). Можно опасаться, что и этот «рекорд» будет побит: в Грузии до сих пор не завершено издание эпопеи Л. Толстого «Война и мир», начатое в 1940 году (вышло только два тома).

В Узбекистане с крупными по объему произведениями поступают еще более медленно. Книгу разбивают на большое количество «частей» и печатают эти «части»

отдельными «выпусками». Так, например, роман А. Фадеева «Молодая гвардия» был опубликован в семи «выпусках», которые выходили в течение 1947—1948 годов. Роман В. Каверина «Два капитана» разделили на пять «выпусков» и тоже печатали их два года. Но и такой способ работы, очевидно, оказался владыкским работникам Узбекистана чересчур обременительным: они отказались от печатания книг «выпусками» и начали публиковать лишь «отрывки» из произведений. В «отрывках» были напечатаны «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Жатва» Г. Николаева, «Буря» И. Эрзенбурга, «Студент» Ю. Трифонова и многие другие книги. Только там, где не удавалось труд писателя, где по-прежнему чувствовалось ответственность перед читателем, возможен такой издательский процесс.

Все эти примеры говорят о том, что во многих республиках в издании переводов художественной литературы нет четкой системы, нет целенаправленности. По существу, деятельность многих республиканских издательств, не подчиненная тщательно продуманному плану, охватывающему длительный промежуток времени, сводится к тому, чтобы каждый год выпускал определенное количество «названий» в переводах с других языков, не вспоминая о том, что уже было переведено в прошлые годы, не заботясь о том, что необходимо выпустить в будущем, а что и переиздать. Судя по многолетней практике, работники ряда издательств не представляют ясно объема и серьезности своих задач.

Горький считал для себя обязательным принимать участие в составлении самых разнообразных издательских планов. Он требовал немедленного издания своих произведений, протестовал против выпуска в свет других. Он внимательно следил за тем, чтобы в планах все было учтено, ничего не забыто. Этот пример роля классика советской литературы должен служить серьезным уроком тем писателям, которые равнодушно взирают на ошибки в работе издательств.

«Задачи Государственного издательства — задачи социально-воспитательные», — писал Горький. — Если это так, книги должны издаваться по строго выработанному плану».

Без большинства издательств заключается в том, что у них нет такого строго выработанного плана. Нужно, наконец, чтобы у каждого издательства был многолетний план, рассчитанный на систематическое и последовательное ознакомление широкой массы читателей с русской литературой, литературой народов СССР и стран народной демократии, с произведениями прогрессивных писателей капиталистических стран, с шедеврами мировой литературной классики.

Писатели, критики, преподаватели литературных факультетов вузов, сотрудники всевозможных центров литературоведческой науки должны принять и составлении таких планов деловое и активное участие. Широкое обсуждение планов на читательских конференциях поможет учесть многообразные запросы читателей.

Некоторые издательства имеют уже сейчас все возможности для того, чтобы приступить к переводу собраний сочинений наиболее выдающихся писателей-классиков. В этом отношении следует положительно оценить опыт украинских издательств, осуществивших перевод ряда собраний сочинений русских классиков, и латышского издательства, приступившего к переводу выходящего в Москве собрания сочинений Горького и выпустившего в свет 20 томов. Надо сказать, что вообще на Украине и в Латвии переводы художественной литературы осуществляются наиболее полно, планомерно и продуманно.

В большинстве республик основным типом издания классической литературы в ближайшие годы будут, по видимому, продуманно и любовно составленные избранные сочинения, снабженные научным комментарием и предисловием, характеризующим творческий путь писателя.

Следует упрочить и переводные важнейшие произведения, чтобы не приходилось тщетно разыскивать, например, «Как закалялась сталь», книгу, изданную в ряде республик 15 лет назад.

Сейчас, когда литературная общественность страны, готовясь ко Второму всесоюзному съезду советских писателей, подводит итоги многолетней работы и обсуждает перспективы дальнейшего развития единой многонациональной советской литературы, нужно с особым вниманием отнестись к проблемам взаимообогащения культур и творческого овладения наследием классики, проблемам, в практическом решении которых видное место занимает и вопрос о переводе художественной литературы на языки братских народов. И, конечно, дело не только в том, что и в какие сроки издается, — необходим также серьезный разговор о точности и художественных достоинствах переводов, ибо есть еще немало случаев, когда прекрасные произведения при переводе обесцвечиваются или даже искажаются. Давно пора покончить с об организованной подготовке в вузах высококвалифицированных переводчиков.

Поставлена партией и правительством задача создать изобилие материальных и духовных благ требует глубокого критического анализа состояния дел и на таком важном участке культурной жизни, как переводы художественной литературы на языки народов СССР. Это — почетное и ответственное дело республиканских издательств, Министерства культуры СССР, всех писательских организаций.

## Международные отклики

Сегодня, через неделю после окончания Брюссельского совещания министров

### НА ЖИМ НА ФРАНЦИЮ

«Европейское оборонительное сообщество», в Национальном собрании Франции началось обсуждение этого договора. Участники совещания не пришли к тем результатам, на которые рассчитывали его вагнтинговские влохно-вители. Участники совещания отказались принять так называемые «поправки», предложенные французским премьером Мендес-Франсом. Последний, в свою очередь, не согласился с договором в его нынешнем виде. Не возмел своего действия и нажим, оказанный на Францию Даллесом, направившим буквально в последние часы работы совещания телеграмму Мендес-Франсу, в которой, по словам «Нью-Йорк геральд трибюн», угрожал «пересмотреть» политику США, если Брюссельское совещание окончится безрезультатно.

Министры разошлись по домам. Однако американский нажим на участников «Европейского оборонительного сообщества» и, в первую очередь, на Францию, продолжается с новой силой.

Франция запугивает тем, что если она не ратифицирует парижский договор, то Западной Германии будет предоставлено право «бесконтрольного» вооружения (как будто «европейское оборонительное сообщество» в какой-то степени устраняет угрозу европейским странам со стороны германской милитаризма).

Американская газета «Крисчен сабсенс монитор» подчеркивала, что отказ Национального собрания Франции ратифицировать договор приведет к тому, что США «будут строить свои планы обороны (т. е. свои военные планы в Европе — Лит.) скорее вокруг Германии, чем Франции, что они включат Бонн в НАТО, признают его суверенитет и позволят ему перевооружиться».

По сообщению агентства Юнйтед Пресс, некий «высокопоставленный американский представитель» в угрожающем тоне заявил, что США и Англия «быстро примут меры» в отношении Западной Германии (т. е. в отношении перевооружения Западной Германии) «с согласия или без согласия французом».

«В Вашингтоне появилась влиятельная группа официальных лиц», — пишет корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Рестон, — открыто утверждающих в настоящее время, что Соединенные Штаты не могут больше считать Францию основой своей европейской политики».

Западногерманская печать смакует различные планы перевооружения Западной Германии вне рамок «европейской армии» и конкретные шаги, предпринимаемые Соединенными Штатами в этом отношении.

Как сообщал на пресс-конференции в Берлине депутат западногерманского бундестага Шмидт-Витмак, в соответствии с решениями, принятыми на специальных секретных совещаниях представителей США и боннского правительства в июне—июле с. г. в Бад-Годесберге, подготовлен мобилизационный план, предусматривающий создание немецких контингентов в размере 24 дивизии, а не 12 дивизии, как это было предусмотрено первоначально, причем было принято во внимание возможность создания резерва в размере еще 24 дивизии.

Вместе с тем американская печать подчеркивает, что правящие круги США отнюдь не оставили надежд склонить Францию на ратификацию договора.

По сообщению «Нью-Йорк таймс», «французское правительство призвано попытаться прогнать нынешний проект договора о европейском оборонительном сообществе через Национальное собрание без дальнейших поправок и оговорок». Как заявил Даллес на пресс-конференции 24 августа, он «не перестает надеяться», что «Национальное собрание Франции ратифицирует договор о Европейском оборонительном сообществе». Слово «надежда» Даллес «подчеркнул» ироничной улыбкой, что в противном случае Франция «будет оказана в так называемой «военной помощи»».

Американские официальные представители и печать пытаются уверить французскую общественность в том, что вооружение Западной Германии в рамках «европейской армии» представляется для Франции «наименьшим злом», что нет будто бы иного выхода, кроме как ратифицировать этот договор, который в действительности таит в себе смертельную угрозу свободе и независимости Франции. Однако широкие слои французской общественности видят другой выход. Он содержится в предложениях Советского правительства о создании системы коллективной безопасности в Европе, являющейся действительной альтернативой «европейской армии».

«Проект общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе», устраняющий угрозу войны на европейском континенте, встречает все более широкое признание народов Европы, несмотря на все усилия американской пропаганды.

ЛИТЕРАТОР

## Словацкие встречи

Увидеть Словакию мне хотелось давно, еще в те далекие южешские годы, когда впервые услышанное название города иди горного хребта будит мечту о путешествии, о встречах с незнакомыми, с неведомыми друзьями. Тогда поплакала мне книжка, изданная в городе Мартине в конце прошлого века, — словацко-русский словарь.

Мечта исполнилась спустя много лет. Мартин — деловой город, дымящий фабричными трубами на фоне зеленых откосов Малой Фатры. Вокруг него находится деревня Скаблина. Женщина в платке с золотым крестьянским лицом открыла мне дверь выделенной хаты и твердо произнесла русское «здравствуйте». Она рассказала мне о человеке из нашей страны, об одном из тех, кто пришел сюда, в сельские хаты, в лагун горняков, в ушелья, чтобы помочь борьбе народа против фашистов. Назвал себя простым русским именем — Василий. Здесь она, Анна Обозова, сунула его промокшую куртку и сапоги. Тут она столе он поставил передатчик и настроил на Москву.

Потом Анна принимала у себя других русских, шедших от границы или бежавших из немецких концлагерей и прибывших тайными тропами к словацким партизанам. Она сама вела их из Словакии дальше в долину, где уже формировалось ядро востанки. И отсюда, от яростным огнем перекинулось в Мартин, в Банску-Быстрицу.

Прошло десять лет. В эти дни страна празднует юбилей словацкого востанки. Срок — для истории небольшой, а событий пережито удивительно много.

Прошлое для словаков было несказанно жестоко. Есть страшная цифра. Из маленькой Словакии каждый год уходило на чужбину до пятидесяти тысяч человек. Шли, спасаясь от нищеты, от гнета мадьярских помещиков, чехских и прочих капиталистов.

У быстрого Грона, шумящего на порогах, в новом рабочем поселке, лежащем в тени густых елей, живет Ладислав Соболь, вернувшийся из Детройта.

Он искал заработка сперва у себя дома. Потом — в Буапеште, потом — в Америке. Ладислав Соболь половину своей жизни был безработным или частично безработным. Он читает мне письмо друга, полученное недавно из Америки.

«С тех пор, как ты уехал, стало еще хуже. Нашу фабрику закрыли. Погасили четыре дома и пять марленов. В газетах пишу, что уволили 450 человек, но это ложь. На самом деле, 3500 человек. В первую очередь выгнали словаков, чехов и вообще тех, кого не считают американцами».

Я спросил у Соболя, каковы его впечатления о родине после двадцати лет скитаний.

— Ну об этом не скажешь в двух словах, хотя, пожалуй, скажу. Чудо случилось. Я оказался в другом мире. Первая чехословацкая пятилетка — построенная в этом году, сделала Словакию индустриальной. Построено 125 заводов, расширено 109. В высоту я видел свежую кладку бетона, новые заводы, линии высоковольтных передач, идущие с хребта на хребет, раскрывающие вековую глушь.

На всю республику гремит имя токаря Юлиуса Слабая. Таких рабочих не было прежде в Словакии. Он показал мне стальные детали, сложенные у станка.

— Ручаясь, такую штуку быстрее меня никто не обработает. У нас — никто! Не знаю, как ваш Быков...

Известный советский токарь дважды побывал на этом заводе. Подля продолжалось соревнование двух скоростников. Победителем тогда вышел Быков. Ю Слабой до этой встречи лишь по книгам да по рассказам изучал скоростное резание. Теперь у Слабая — сотни последователей. И не только дома. Недавно он провез кусок хлеба, как его отцы и деды. Он поехал с тетрадкой математических выкладок и чертежами собственных резцов. И такие события здесь уже никто не удивляет. Тысячи и тысячи новых специалистов воспитаны здесь с помощью братской Чехии.

Да, это в порядке вещей, что сын шахтера Ота Фусан стал известным в стране геологом. В порядке вещей, что Ян Шнейдлик, капитан дунайского парохода, плавающего на Черном море, раньше был оравским «ротарем», то есть лудильщиком, бродившим в опорках из села в село.

Малый Дунай, отвечающий в Братиславу рукав Большого, на своем пути огибает обширную плодородную равнину, называемую «Житным островом». Это плодородная житница Словакии. Я побывал здесь в селении Ружежидоле — неплохом дружестве, как называют в Чехословакии единые сельскохозяйственные кооперативы. Урожай убирают не вручну, как бывало, а почти сплошь машинами. И это тоже становится в порядке вещей.

У словаков впереди еще много работы. Этот народ был веками закрепощен, слаб, одинок перед лицом захватчиков, а теперь дружба с другими свободными народами чудесно умножила его силы. И прежде всего дружба с братьями-чехами, с которыми он составляет одно государственное демократическое целое. Крепкими стали ладони дружбы, связывающие стороны с нашей страной. Эти уже неразрывны, скреплены кровью советских воинов, павших в борьбе за новую Чехословакию. Только благодаря свободе и миру, подлинному содружеству народов могла так быстро измениться жизнь в Словакии.

В. ДРУЖНИН, собственный корреспондент «Литературной газеты»

ПРАГА, 27 августа. (По телефону)

# НА ГИДРОШАХТЕ

Разговор, начавшийся в гостинице треста «Ленинуголь», продолжался на автобусной остановке. Доктор технических наук, заместитель директора Кузнецкого научно-исследовательского угольного института Владимир Семенович Мучник спешил на поезд, отходящий в Кемерово.

Был раннее сибирское утро...  
— Я хочу, чтобы подземную гидравлическую добычу угля перестали считать вопросом будущего, — говорил Владимир Семенович. — Шахта «Тырганские уклонь» в Прокопьевске и «Польсасевская-Северная» здесь, в Ленинске, оправдали себя. Надо строить новые, гидромеханизованные шахты. Не одну, не две. Много шахт. За этим еду в комбинат «Кузбассуголь». Не поможет — в министерство поеду...

Владимир Семенович повернул голову в сторону главного инженера шахты «Польсасевская-Северная», как бы спрашивая его: «Так ли я говорю?». Мирон Никанорович Маркус, приземистый, коренастый, одобрительно улыбнулся, чуть-чуть прищурив темные глаза. Он-то верит. Еще будучи студентом Московского горного института, он горячо воспринял идеи Мучника и стал ярким сторонником гидродобычи.

Владимир Семенович продолжал:  
— Вода для любой шахты — бедствие. С ней борются горняки, как со злейшим врагом. Мы же приносим воду. Покорили ее и послали в шахту, в забой. Вода для нас — миллионы и миллионы экономии государственных средств. А такое облегчение труда! Впрочем, сами увидите. Ты, Мирон Никанорович, покажи шахту, как следует все покажи...

«По сравнению с другими шахтами «Польсасевская-Северная» на поверхности выглядит миниатюрной. Отсутствуют обычные для шахт ствол и копер с подъемными канями. Здесь они не нужны. Вода вытекает угольные комбайны, врубовые машины, отбойные молотки, бурение, отбойку угля взрывом, электромеханические пути, вагонетки. Вода сама дробит пласт и транспортирует уголь на-гора.

Кузнецкий научно-исследовательский угольный институт разработал общую технологию добычи угля способом гидромеханизации, сконструировал и создал совместно с конструкторами и рабочими заводов и шахт новые механизмы: гидромониторы, центрифуги, углесосы, молотковые дробилки.

Пока мы переезжаем, чтобы спуститься в шахту, Маркус с увлечением рассказывает о преимуществах гидрощахты.

— Загляните в забой, скажем, шахты имени Кирова. Вы там увидите комбайнера, его помощника, от восьми до пятнадцати навалотбойщиков и крепильщиков, трех-четыре запальщика, сукососов, прибавьте к этому людей, обслуживающих транспортировку. Там же обходятся без псалочников, переносчиков конвейеров, мотористов, люков. У нас же в один очистной забой выходит всего пять человек — гидромониторщик и его помощник, машинист дробилки, машинист участка гидрососа и лесодоставщик. Обратите внимание: за исключением последнего они все механизмы — высокоавтоматизированные рабочие. Они совсем не приглядываются руками к уголю. Стоимость угля, добытого ими, дешевле в два раза.

Через железобетонную арку по холму спускаемся в шахту. Шахтерские лампочки освещают просторный чистый коридор. Первое время поражает необычная тишина. Затем постепенно, по мере спуска, начинается нарастающий шум. Вскоре уже отчетливо доносится до слуха звуки бегущего ручья. Сворачиваем в сборный шпур. И вдруг навстречу — бурный поток. В нем, словно льдины в весеннем дожде, шурша, перекатываются куски угля.

**Г. МОЛОСТНОВ,**  
специальный корреспондент  
«Литературной газеты»

— Смесь воды с углем называется пульпой. Мирон Никанорович поясняет: — По желобу она самотеком проходит через дробилку к участку углесоса, от них — к центральному гидродолю.

Вот один из забоев гидрощахты. Впереди выхватывает и затем гаснет свет. Огни вышка света. Шум ручья перебивает то глухой, то резкий звук, словно там кто-то энергично разрывает куски материи. Такой звук создает вырывающаяся из гидромонитора струя воды.

Сам гидромонитор напоминает гарпуную пушку, направленную в глубь забоя. В резиновом костюме, в широкополной резиновой шляпе, гидромониторщик управляет машиной посредством штурвала. Он очень похож на штурманского, ведущего корабль в штормовую, бурную ночь. Вылетая из гидромонитора под давлением в 30 атмосфер, водяная струя режет, отбивает, крошет глибы угля, вымывает из забоя, увлекает с собой. Проектор, установленный на ствол гидромонитора, с трудом пробивает мглу распыленной воды. Брызги и куски угля в его лучах переливаются синими, голубыми, розовыми огоньками.

Выбрав уголь слева, на глубину пяти метров, гидромониторщик поворачивает штурвал. Справа выбирается такой же уголь. После этого машина подается назад. В соседних забоях происходит то же самое.

Поток пульпы влетает в камеру центрального гидродолю. Отсюда смесь воды и угля поднимается на поверхность шахты, на обогащающую фабрику — в светлое, чистое и просторное здание.

На обогащающей фабрике от пульпы прежде всего отделяется уголь крупнее 6 миллиметров. Остальная масса проходит через центрифуги горизонтального типа. В них отделяется уголь мельче 6 миллиметров. Фугат (взвешенный в воде уголь) следует в шламовые отстойники, а чистая вода — в резервуары высококачественной насосной станции, откуда вновь подается в забой гидромониторам — водометам.

— Вот все! — разводит руками главный инженер. — Так устроена наша гидрощахта. — Он снимает с головы шахтерский картуз-чепурашку, отстегивает ремень с аккумулятором, сбрасывает брезентовую куртку и остается в коричневом костюме, в черном джемпере, при галстуке. Незаметно, что он только что поднялся из шахты. На лице и руках никаких следов угольной пыли, потому что ее нет в шахте, потому что вода, кроме всего прочего, очищает шахтный воздух.

Нетерпеливый, уверенный, Маркус садится к столу. Кладет руки с широкими сильными кистями. В глазах — задорная искорка.

— Вы спрашиваете про трудности? — начинает он. — Трудности, как и во всяком новом деле, были, есть и будут. Только все равно не отступим. Выразился, так сказать, фигурально, если вода успешно рвет угольные пласты, то она поможет и рутину пробить!

Маркус — специалист молодой во всех отношениях. Ему всего 25 лет. В пятнадцать втором году он окончил Московский горный институт. Но среди приверженцев гидродобычи считается «старичком».

Еще на первом курсе института Маркус узнал о Мучнике — новаторе подземной добычи угля при помощи воды. Узнал, что где-то в Прокопьевске есть даже экспериментальный участок.

— Пропу послать на шахту «Тырганские уклонь» в Прокопьевск, — заявил он при направлении студентов на практику с первого курса, и этим сразу удивил многих.

— Но это пока еще ведь эксперимент. Все в тумане!

Запротестовала жена. Уж очень ее пугали какие-то далекие и непонятные «Тырганские уклонь».

Но, несмотря на все трудности, студент Маркус выиграл сражение. Он поехал на практику к Владимиру Семеновичу Мучнику и уговорил еще троих студентов поехать вместе с ним.

И так, все четыре года занимаясь в институте в группе «открытников», готовившей специалистов открытых разработок, четверо друзей проводили практику у «подземников» в Прокопьевске.

Владимир Семенович Мучник вернулся из Кемерово радостным, возбужденным.

— Лед тронулся! — сказал он, здороваясь. — Начальник комбината «Кузбассуголь» подписал бумагу в министерство. Там считают возможным построить и ввести в эксплуатацию гидроустановки на четырех действующих шахтах — в Ленинске, в Прокопьевске, в Томи-Усе, которые будут давать до пяти тысяч тонн угля в сутки. Будем добиваться строительства гидрощахты № 3 в Аларинском угольном районе с производительностью 1 миллион тонн в год.

— Вот, а вы волновались! — весело заметил Мирон Никанорович.

— П сейчас волнуясь, — встрепенулся Мучник. — Я же только сказал: лед тронулся. Затормозил на пути может встретиться. Против нас некоторые «светила» учебного мира.

Дальнейшую беседу с Мучником о сомнениях скептиков и недоброжелателей мы облекли для краткости в форму корреспондентских вопросов:

— Ну, а что, если у угольного пласта, обычно мягкого к выходу, в глубине залегания повысится твердость? Не придется ли взрывать его к концу выработки?

— Что, что?! — взъерошился Владимир Семенович. — Это мы слышали. Отвечая: будем увеличивать давление воды. Используем трещины пласта, которые имеют немаловажное значение для гидродобычи. Думать будем, искать.

— А если встретятся слабые боковые породы пласта? Ведь струя воды их легко может размывать, засорять уголь?

— Не встречались такие. В отдельных случаях будем увеличивать скорость выемки, сократим заходку. Впрочем, жизнь укажет, что делать. Во всяком случае, все эти «если» не сильно нас расстраивают. Пробовали пугать и горизонтальными пластами, и еще черти-какими трудностями. Пока нас всем этим запугивали, горняки шахты «Тырганские уклонь» перекрыли проектную мощность, работают да похваливают. Таковы факты!

Опережая несколько ход событий, — об этом мы уже узнали после, в Москве, — следует сказать, что зачинатели гидромеханизации получили серьезную поддержку в руководящих органах и в ближайших годы намечено увеличить добычу угля гидравлическим способом в десять раз!

Уже было поздно, когда, распахнувшись с Владимиром Семеновичем, мы с Маркусом возвращались на «Польсасевскую-Северную». Молодой инженер некоторые вопросы сосредоточено молчал, крупными шагами меряя тропинку к дому. Потом он сказал как бы безо всякой связи со всем предыдущим:

— Жена пишет: ковер купила, мебель... И еще, помолчал, продолжил:

— Говорит: мешать тебе не стану. Приеду в Сибирь навестя, раз твердо решил посвятить себя гидродобыче. А, правда, заманчивая идея Мучника? А? Зовущая такая, свежая, как ветерок!..

И, смеясь в ответ на его слова, из лота дохнула горьковатым запахом тальника.

ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ

# Маститый Чиж

**Басня**  
В каком году — я точно не скажу. Случилось одному Чижу в преддверии не то романс, не то поэму.

О творчестве Чижа заговорил весь лес: — Да, он затронул важную проблему, Возьмите форму, образы и тему — Все представляет интерес!

Кукушки-критики провозгласили: — Подобного по свежести и силе Мы не встречали на веку... Таланту юному сто крат — ку-ку, ку-ку!

Хор почитателей умилно Твердил: — Какой огромный дар! И на Чижа посыпались обильно Признание, лавры, гонорар.

Чижу немало привилегий. На окружающих он смотрит свысока, Он член комиссии, редколлегий, И обладатель круглого брюшка.

Недавно молодой наивный Дятел Сказал: — Конечно, Чиж имеет вес, Однако напрасно время тратил, Ина его стихов и пьес. Так почему же нынче славен Чиж, Чем оправдал он свой престиж?

Но тут зашикала испуганная Галка: — Да что ты, оумел? Карьеры, что ль, Не жалко? Учат с ним, так не просят... Чтот с Чижем поделашь — мастит!

Не так давно я встретился с Чижом — Попржему живет старинным Багажом.

# Человек и камень

Половое седоволосый, Умлен своим трудом, Сел на камень у откоса, Затянулся папирсой, Глубоко вздохнул потом.

Камень старый, одинокий Вдруг воскликнул в тишине: — Человек, твой вздох глубокий Непонятен мне!

Человек ему ответил: — Этот мир красив и светел, Все пышнее земля цветет, Но близка моя кончина, И для вдоха есть причина: Скоро смерть за мной придет. А придется умереть.

Говорит шерватый камень: — Провратись тогда ты в камень, Проживешь на свете Пятьдесят столетий!

Отвечает человек: — Я не согласен вовек, — Нет бинья сердца в камне! Сто столетий проживи, — Жизнь без мысли, без любви, Без горения — не нужна мне!

Перевел с татарского С. Липкин

# Новый журнал «Международная жизнь»

Вышел в свет первый номер нового ежеквартального научно-политического журнала «Международная жизнь».

Задача журнала является освещением вопросов внешней политики Советского Союза и иностранных государств, международных политических и экономических проблем, положения в отдельных зарубежных странах и других вопросов международной жизни.

Журнал «Международная жизнь» издается Беспопечным обществом по распространению политических и научных знаний.

# ВОЛШЕБНЫЕ РАССКАЗЫ

**Николай МОСКВИН**  
ВСЕ В МЕРУ

Уж сколько раз Федора Селиверстовича в депутаты горсовета выбирали. И за дело — хороший был человек. А тут вдруг в председатели горсовета избрали.

«Ну», — подумал он, — дело это, конечно, немного посерьезнее, однако за столько лет работы я, в общем, в курсе». В курсе-то в курсе, но главное оказалось не в этом. В первый же день приходит к новому председателю комитет и поттиительно осведомляется:

— Разрешите, Федор Селиверстович, узнать: кабинет вы доволны? Или какие указания будут?

— Спасибо, — отвечает председатель, — все хорошо. Немного вот душно... Форточка поттиительно фортывается.

— Слышаю-сь... Приходит на следующий день Федор Селиверстович к себе и видит — мать честная! — окно нечисто вымыто. В кабинете с улицы свет залетает. Он — к комитетам: как же так? А тот оправдывается:

— Хотели поуче-сь... Поскольку вы изволили сказать, что душно.

Попел как-то председатель по долгу службы посмотреть городскую прачешную. Обшел всю сверху донизу и сказал:

— Прачешная у нас хорошая, но вот заведующая Душегрева, по-моему, плоховата, нераспорядительна.

Не успел он это сказать, как на следующую же день то там, то здесь по городу какие-то личности стали говорить и писать про прачешную: «спрская», «восхитительная», «оболстительная», «пленительная». И даже: «храм мыла и пара».

А про бедную Душегреву так: «отвратительная», «отталкивающая», «комерзительная», «окаянная».

Федор Селиверстович был человек справедливым, и он возмутился. Призвал к себе эти личности, пристыдил их и просил их остановиться. Но один из них, самый проворный, спрашивает:

— Может быть, тогда, Федор Селиверстович, вас так разрешите позвать: прачешная — окаянная, а Душегрева — пленительная?

— Ну что отвечать? Только рукой махнул... Другой раз председатель поехал взглянуть, как новый сквер разбивают. Все ему там понравилось, а цветочная клумба больше всего. Но в помини он тут детство свое. Мать в палсаднике, кроме георгинов, пионов и анютиных глазок, всегда резеда сажа. Он и сказал старшему садовнику:

— Красы у резеды, конечно, немного, но запах какой!.. Чтот заблны теперь про этот цветок.

Проходит несколько дней. Как-то вечером открывает он дома окно — чует — резедой откуда-то пахнет. Приятно так, как в детстве...

Утром на работе сидит — тянет резедой. Детские ясли проверить пошел, в городской театр поехал, — а резеда и следом и навстречу. Видит, афиша о лекции на заборе висит:

«Забыйтый цветот (строение, жизнь и деятельность резеды). Начало в 8 часов».

А в театре, куда он приехал, в это время свои хлопоты шил: по ходу пьесы бедного Кляше влюбленного Васа букет преподносит. Он предположил, а бедовая Кляшка нос от него воротит: «Не люблю резеды!» — говорит. Это раньше в пьесе так было, так и играли. А сейчас проворный директор отыскал за кулисами Кляшку и Васю заодно, — чтобы в курсе был, — и переменил «не люблю» на «обожаю»...

Терпел-терпел Федор Селиверстович, из время пришло — рассерчался он по-настоящему. Вызвал к себе всех резедовых старателей, накричал на них и просил сейчас же все это прекратить.

И те прекратили. Но по-прежнему: всю резеду со всех скверов поывтервали, бедовая Кляшка к «не люблю» теперь еще «спрская» стала говорить. И делция уже другая: «Справедливо забыйтый цветот».

Опекались тут Федор Селиверстович — что же делать-то! — и пошел к старому литейному мастеру, у которого он когда-то подручным начинал, и пожаловался ему.

— Это дело известное! — сказал старик. — Не ты первый. Новой жизни будтот уж много лет, но ведь старот-то намного больше было! Вот откуда-то и тянет этих духом... Любили — земля им пухом — начальству угодили. А кто этим ружкомсам займется, не знает ни меры, ни края... Не ты не печалься — публики этой негусто, и с каждым днем на убыль она идет. Шеребереш! Почти деда вершали!.. А держись с ними так: отдал какое-нибудь распоряжение и тут же смотри: дело они делают или усаждают. Главное, на завтра не отклядывай, тут же поправляй! — не жди, когда эти проворные из-за полена рожу случеут...

И стал Федор Селиверстович так и поступать, и вскоре все на лад пошло. Другой раз вечером вдруг да потянет откуда-то резедой. Федор Селиверстович насторожится. Но нет — все правильно, все в меру...

ФЕФЕЛОВ

Приходил Феефелов в магазин, давали ему там штаны: одна штанина черная, другая — синяя. Дома приятели смеялись, удивлялись, а Феефелов отвечал:

— Значит, трудности с материей на фабрике имеются, если они так...

— С черной материей трудности? — спрашивали дружки, а сами от смеха давались. — Или с синей?

— Надо полагать, и с той и с другой... К синей штанине, видишь, другой синей штанины не хватило, а к черной — черной... Да мы люди неприхотливые, университетов да консерваториев не качали — проясним и так...

Приходил Феефелов в столовую, подавали ему там чай в глубокой тарелке. И дружкам его — тоже.

Но те кричали, по столу стучали, заведующего к себе требовали. А Феефелов покусывал сахарок да поивал из тарелки.

— Надо тоже входить в положение, — говорил он будням. — Может, есть трудности со стаканами? Да и так рассудить: из чего ни пить, лишь бы пить... Мы люди неприхотливые, мы этих самых консерваториев...

Но дружки, конечно, его не слушали, смеялись, удивлялись.

— Откуда ты такой выискался! Было такое время, да прошло...

Купил как-то Феефелов велосипед. Хороший велосипед — одно удовольствие. Да в скорости втулка там какая-то не то сломавалась, не то потерялась. Пошел в магазин, а там говорят:

— Покажите, покупайте новый велосипед. Хотя десяточек вам сейчас заверну, а вот втулку отдельно мы не держим...

Другой бы — туза, сюда, на лыбы — к директору, к министру, в газету... А Феефелов наш пришел тихо домой, выстукал из лощетки эту самую втулку, приладил ее и стал опять ездить.

Но по-чудному ездил: не сидел, а лежал на велосипед — руками самокату свою придерживая, как бы она не выскользила, не сломавалась — дерево все же, не сталь...

Приятели вначале думали, что он дежигтует, споровку свою показывает, но — какое там! — согулся в той погребке, лщот красное и хрипит из-под колеса:

... может, трудности... Мы и так можем... мы люди неприхотливые, мы консерваториев...

И хоть потешно было, но дружки его на этот раз даже не улыбулись. А один из них — молодой, разбитый — так сказал:

— А что, братцы, не держатся ли обжуро-одежные, стальные, втулочные и всякие пятые-десятые наши головотки на этих вот фефелах?

# Подарки китайских друзей

В Москве по приглашению ВОКС гостила делегация Общества китайско-советского дружки.

Перед отъездом на родину члены делегации посетили Союз советских писателей СССР. От имени китайского народа они преподнесли в дар советским литераторам альбомы, картины, шкатулки работы китайских мастеров искусства. Среди подарков альбомы с рисунками талантливейших художников Китая Ци Бай-ши и Сюй Бай-хуна.

Подарки вручены лучшим советским переводчикам, редакторам и критикам, работающим в области популяризации и пропаганды китайской литературы в СССР.

# ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕРАЗВЯЗАННЫЕ УЗЕЛКИ»

Так озаглавлена была статья И. Егорова, опубликованная в «Литературной газете» 6 июля. В статье критиковались Старовольское краевое управление сельского хозяйства за недостатки планирования в колхозах края и Министерство сельского хозяйства СССР за невнимание к механизации ряда важных сельскохозяйственных работ.

Как сообщил редакции начальник Старовольского краевого управления сельского хозяйства тов. В. Чумаков, статья «Неразвязанные узелки» обсуждалась на специальном производственном совещании, созванном управлением. Критика серьезных недостатков в планировании признана правильной.

# От имени сына

С фотографии смотрит на вас темными смысленными глазами веселый парнишка в шапке светлых кудрей. Андрейке — года два-три. На обороте карточки несколько слов — короткий отклик на статью Е. Серебровской, что была опубликована в «Литературной газете» 16 января нынешнего года под названием «Жизнь вносит поправки».

От имени сына мать поддерживает предположения автора статьи. Да, метрики должны быть едины для всех детей, едины и в том случае, если родители ребенка не состояли в зарегистрированном браке. Отец карушил моральные нормы нашего общества. Он совершил серьезный проступок. Почему же ответственность за этот проступок ложится на сына в виде пометки в метрическом свидетельстве, где должна стоять фамилия отца. У Андрейки нет зарегистрированного в браке отца, но это не значит, что пет отца вообще...

Небольшая корреспонденция, поднимающая вопрос, связанный с оформлением метрик детей, родившихся от незарегистрированных браков, вызвала большой приток читательских откликов. Авторы многих писем выходят за рамки темы статьи, подвергая широкому обсуждению вопросы социалистической морали, укрепления советской семьи. Почти каждое письмо — рассказ о пережитом, о наболевшем, и нельзя без волнения читать эти человеческие документы, короткие или пространные, сдержанные или откровенные, как исповедь. Все они приводят в мысли о том, что борьбу против отцов-обетелов, слагающих с себя материальную и моральную ответственность за судьбу своих детей, необходимо вести активнее...

Группа москвичей в своем коллективном письме справедливо замечает:

«Нельзя оставлять безаказанными отцов, обложивших несколькими семьями, отцов-ханов. Надо, чтобы их поведение подвергалось обсуждению на партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях. И тогда столь тяжкий проступок, как уход отца из семьи, станет явлением редким, чрезвычайным».

К этому требованию присоединяется и А. Дмитриева из Хабаровска:

«Немало еще у нас мужчин, оставляющих следы своих детей и спекулируя пользой своих правот отцовства, если брак не зарегистрирован. Строже надо спрашивать с таких людей с нечистой совестью».

Общественное осуждение — большая сила, но в полную ли меру используется она, когда речь заходит о нарушении отцовского долга? Вместо гневного осуждения снисходительно сочувственные улыбки или добродушные, приятельские шутки — вот порой и все, что «стерпит» от товарищей по работе такой папаша-беглец. И надо ли удивляться, что окрыленный подобной поддержкой, трус с нечистой совестью начинает мнить себя героем, эдаким милым илануном, и совершает новые и новые проступки. Об одном из таких «героев» рассказывает в своем письме З. Л. — мать десятилетнего мальчугана. Письмо стоит того, чтобы привести его почти полностью.

«Мне исполнился двадцать один год, когда появился на свет мой сын. Я была демобилизована из действующей армии. Отец ребенка (он старше меня на десять лет) остался на фронте, и мы часто переписывались. Первое время письма шли заказными. Он называл меня Лидочкой, Индуской, проявлял постоянную заботу и беспокойство о нашем сыне, писал: «Ваня сыночек, я помогаю вырасти...»

Затем письма стали поступать все реже и реже, и на мои просьбы помочь мне я получала ответы: шарлатанка, вымогательница.

По действующему тогда законодательству (до 8 июля 1944 года) я имела право через народный суд взыскать алименты с отца ребенка и зарегистрировать в метрике фамилию отца. И этого не сделала. Я верила. С ноября 1945 года И. Крот перестал писать мне. Ребенок тем временем рос, пошел в школу. Меня беспокоило, что он ленится, учится плохо. Своими горестями я поделилась с отцом и получила от него следующий ответ:

«Разве вам не известен Указ от 8 июля 1944 года? Ничем я не обязан ни вам, ни вашему ребенку согласно ст. 29 КЗОБС», так как ребенок рожден от незарегистрированного брака. Как хотите, так и выкручивайтесь. Вы теперь вполне взрослый человек. Никто вас не просит родить детей. Наше социалистическое отечество сумеет

направить и воспитать мальчишка в коммунистическом духе».

Может быть, в анкете Н. Крот, хранящейся в учреждении, где он работает, нет ни одного темного пятнышка. Может быть, отменно вежлив и предупредителен он с товарищами и где-то глубоко, глубоко прячет свою подленькую сущность, раскрывшись во всей своей полноте лишь в этом вот коротком ответе матери своего ребенка. Но нет, не верится, что лицемерие и занежность ограничены у этого человека лишь сферой семейных отношений. Таким трудно доверять в любой области.

Святотатственно звучит в устах человека, пренебрегшего своими родительскими обязанностями, ссылка на социалистическое государство, которое призвано заменить брошенному им сыну отца. Да (и это И. Крот хорошо знает), наша советская Отчизна неустанно мечется о благе детей, окружая их поистине материнской заботой и вниманием.

«Я повседневно чувствую заботу и помощь в воспитании моего ребенка Коммунистической партией и Советским правительством», — пишет читательница из города Троицк Сусской области. — Разве я смогла бы, имея маленького ребенка, одновременно работать и воспитывать его без помощи? Мой сын на протяжении всей своей жизни воспитывается в асилах и в детском садике, где условия для наших детей созданы самые лучшие. С радостью смотрю я, как растет и крепнет мой мальчик. Кроме этой помощи, я получаю государственные пособия. Поэтому определение «одинокая мать» звучит для меня странно. Нет, я не одинока...»

Вот другое письмо, научной сотрудницы из Астрахани:

«Личная семейная жизнь моя сложилась неудачно, но с чувством большой радости я, мой родные и друзья встретили рождение моего ребенка, рождение нового человека. Это событие внесло прекрасное чувство в мою жизнь, сделало ее полнее и интереснее. С самого дня появления на свет ребенка я чувствовала, что он и окружение вниманием и любовью со стороны государства. Леточке сейчас два года и пять месяцев. С трех месяцев я пишу ее в ясли, где она получает хороший уход. Я спойно работаю и участвую в общественной жизни своего предприятия. Таким образом, я живу в коллективе, в обществе, и не одинока...»

Трудно удержаться от желания познакомить читателя еще с одним письмом женщины, вынужденной уйти от отца своего ребенка, отца-добойра и пьяницы.

«Ну какая я мать-одиночка, — пишет Е. К. из города Корея, — когда ко мне после рождения ребенка так чутко отнеслись все окружающие. Администрация и партийная организация повседневному интересуется тем, как живет сын, помогают мне. В заводском садике к сыну относятся очень хорошо, да и дома ему материально неплохо».

Почти каждое такое материнское письмо заканчивается справедливым укором: разве все это освобождает отцов от их долга по отношению к своему ребенку, и правомерно ли, что даже в метрическом свидетельстве вместо фамилии отца ставится прочерк, буква зет? Разве терпимо, что отец, оставивший сына или дочь, освобождает себя не только от всяких забот о них, но не несет и ответственности за этот тяжкий проступок?

Среди откликов, полученных на статью «Жизнь вносит поправки», есть и такие («Истина, правда, немного»), в которых отрицается необходимость вносить фамилию фактического отца в метрику ребенка. В них прямо или косвенно утверждается мысль, что женщина, совершившая легкомысленный поступок, то есть вступившая в брак, не зарегистрированный загсом, должна-де и расплачиваться за этот шаг. Однообразие взглядов подобных проповедников морали, уматривающих ошибку только в поведении будущей матери, столь очевидна, что вряд ли нуждается в доказательствах. Ответственность за укрепление советской семьи в равной степени ложится на обе стороны: и на отцов, и на матерей, как и ответственность за отступление от моральных норм нашего социалистического общества.

Но разве не ясно, что дети не должны расплачиваться за легкомыслие родителей, и поэтому нельзя не признать справедливым мнение подавляющей части авторов писем, которые считают нужным вносить в метрические свидетельства детей фамилии фактических отцов. «Метрики должны быть едины для всех детей», — убежденно заявляет в своем коллективном письме инженер и рабочий Коло

# Г. МИХАЙЛОВ БЕРЕЖНО ХРАНИТЬ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

О подлинной природе Гэсэриады



В числе новых иллюстрированных изданий, выпускаемых Государственным издательством художественной литературы, — «Дело Артамоновых» М. Горького, «Слепой музыкант» В. Короленко, «Алиэт уходит в горы» Т. Семушкина. На снимках (слева направо): иллюстрации художников С. Герасимов — к книге «Дело Артамоновых», А. Константиновского — к повести «Слепой музыкант» и Е. Голяховского — к роману «Алиэт уходит в горы».

## ПИСЬМА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

# Красноярский альманах

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, С. ТРЕГУБ

— Знаете, что писал Чехов о Енисее? — спрашивают обычно красноярские жители приехавшего к ним впервые человека. И тут же, не без чувства законной гордости, напоминают вам восторженный отзыв Чехова: «...я не видел реки великолеснее Енисея». Стоя здесь, на берегу широкой сибирской реки, он размышлял: «...какая полая, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Обылись пророческие чеховские слова. Преобразился огромный Красноярский край; полая, умная и поистине смелая советская жизнь осветила берега Енисея. И вот открываешь литературно-художественный альманах Красноярского отделения Союза писателей «Енисей» и, естественно, ищешь в нем черты той новой, молодой, современной жизни, которой славны берега Енисея. Ищешь правдивого и ярко отражающего действительность, свежего и точного слова о ней. Интересует и прошлое (без него трудно понять и по достоинству оценить настоящее) и будущее (оно вырастает из настоящего).

Что же найдет требовательный читатель в двух последних обьёмных книгах «Енисей»? На этот вопрос следует ответить обстоятельно не только потому, что в том издаются красноярские товарищи, а и потому, что недостатки «Енисея» характерны для некоторых других альманахов. Секретаря правления Союза писателей принял недавно весьма важное постановление о малочисленных и малоактивных отделениях ССП в областях и краях РСФСР. Дело в том, что судьба некоторых из этих отделений, существующих, по сути дела, лишь формально, на бумаге, внушает серьёзные опасения. Немногочисленные члены и кандидаты Союза писателей, объединенные в них, не могут оказать помощи друг другу, а тем более мажорным молодым авторам. Альманахи, которые здесь издаются, немощны. Публикация сырые и поверхностные произведения, редакция их оказывает плохое влияние на литературную молодежь, создавая ложное представление о легкости литературного труда. У большинства таких альманахов, естественно, нет своего читателя.

Резкой и справедливой критике в постановлении подверглись писательские организации и редакции альманахов многих городов, среди них и Красноярск. Решено было закрыть Ульяновское и Кировское отделения ССП, прикрепить ульяновских писателей к Куйбышевскому отделению, а кировских — к Горьковскому. Остальные отделения Союза писателей предупредили: если не будет решительного улучшения в работе, то придется ставить вопрос об их реорганизации.

Как мы видим, качество альманаха «Енисей» должно интересоваться не только красноярцев. Основное место в двенадцатой (1953) и тринадцатой (1954) книгах «Енисей» занимает повесть Ю. Рожницына и В. Егорова «Таежный фронт» и первая часть романа Н. Волкова «Заре навстречу». Оба эти произведения однородны не только по теме (народная борьба против колчаковщины) и по времени действия (1918—1919 годы). Они однородны и по тому, как они написаны.

Авторы в своей работе шли не от конкретного исторического материала, не от образов людей, их характеров, поступков, а от придуманной схемы, от того, что ими было задано своим героям. Поэтому-то всюду видны авторские «белые нитки». Пытаясь беллетризовать разного рода документальные факты и воспоминания, задавшись целью придать им занимательную форму, «удожить» их в сюжет, авторы обоих произведений достигли лишь того, что исторически достоверный материал потерял свою историчность, а художественной ценности не приобрел.

Люди в этих произведениях лишь выполняют функции, предусмотренные авторами, вместо того, чтобы жить естественно и свободно. Вот почему они не могут увлечь, завлечь читателя. К тому же язык обоих произведений на редкость безликий, вялый; таким языком не нарисовать точную и правдивую картину, не раскрыть души людей, индивидуальные особенности героев.

В повести «Таежный фронт» действует старый большевик, член полковой комитета, Анурий Степанович Мутвин. Еще в 1905 году руководил он вооруженным восстанием иланских железнодорожников. На стр. 26-й о Мутвине сказано: «он... так умело конспирировал, что соседи и знакомые по работе считали его смиренным, набожным человеком и знали как примерного мастера своего, первой руки токаря». А как ведет себя этот «опытный» конспиратор на страницах книги? На квартире Мутвина собираются польщички. Дозоры не выставлены. На виду у всех собравшихся Мутвин кладет на стол деньги, сообщает, что они присланы Уралом. Сибирским бюро ЦК на развитие партизанского движения и усиление подпольной работы, просит присутствующих перечислить (сболевшие лачки!), а затем снова на виду у всех уносит деньги в свой чужан-

чик. Далее Мутвина знакомит собравшихся с секретным обзором политического положения в губернии, составленным колчаковской контрразведкой (совершенно неизвестно, какими путями им заполученным), докладывает о своей поездке на сибирскую партийную конференцию и о плане подготовки к восстанию.

«В комнате стало шумно», — пишут авторы, уже совершенно забыв об условиях, в каких проходило совещание. Здесь же в присутствии всех товарищей руководитель полполя, по поручению глубокого, распределяет людей по районам для подготовки восстания. «Так один за другим задание получили все». Но ведь и так для всех была раскрыта вся сеть полполя. Моги ли столь опрометчиво действовать старый, опытный большевик? Моги ли он посвящать всех в тайны полполя? Тем более, что первый комитет был уже выдан провокатором, который сумел вторгнуться в доверие к полполячникам.

Колчаковцы жестоко убивают партизана Андрея, затем ведут его на расстрел. Сброшенный вместе с трупами партизан в яму, Андрей чудесным образом «оживает». Мы не оспариваем самого факта: в жизни случается многое. Но чтобы в художественном произведении читатель поверил и принял все, как правду, надо такой факт, возможно в жизни, воссоздать художественно убедительно. В повести же этот, да и многие другие факты показаны так, что им не веришь. Авторы плохо видят то, о чем пишут, и плохо изображают то, что хотят изобразить. Они беспомощны в своих попытках живописать словом.

Поэтому листовки взметнулись, конечно, «белыми птицами», заря появилась, как «пурпурная лента», у пулемета «смертельный глазок», сердце «сшталало», к горлу полстудил «горячий комок» и т. д. Роман Н. Волкова «Заре навстречу» написан несколько лучше, но и он страдает в основном теми же недостатками, что и повесть «Таежный фронт».

При чтении романа с самого начала возникают недоуменные вопросы. Старый большевик Сомов — подобно Мутвину — опытный полполячник, хороший конспиратор. Как же мог его легко «разгадать» соседский тринадцатилетний мальчик Алешка? Если угод мальчик обратил внимание на примитивность его конспирации, тогда чего стоило колчаковской контрразведке ликвидировать Сомова, а с ним и все полполье? Надо полагать, что истинный Сомов действовал умнее, осторожнее.

С необычайной легкостью добывает полполячка Ольга пропуск в колчаковскую тюрьму, столь же легко устраивает автор в тюрьме свидание своих героев. В романе описаны разные события, но нет в нем движения, нет процесса формирования и развития людей. Автор говорит о нарастающей революционной борьбе, затем показывает крупный провал полполя, затем — снова подъем и снова провал. Провалом удалено много места. О продолжающейся же борьбе говорится от автора: «А на рассвете город увидел на стенах домов узкие белые листки прокламаций, клеймивших позором убийцу». Ею и когда писал эти прокламации? Какие силы действовали на свободу? Непонятно! А вот как описан митинг на заводе: «От самого сердца идущие слова товарищей падали, как капли расплавленного металла, в души рабочих, зажатых в них огонь страшной ненависти к претателям». Капли расплавленного металла, падающие в души?.. Так можно не заечь, а испепелить! Образ неточен.

Эти два больших произведения красноярских прозаиков если и показывают нам прошлое края, то вовсе не с той художественной силой, какая присуща большому искусству. Несмотря на благие намерения авторов, обе эти вещи антихудожественны.

Какой же материал дан читателю рассказов и очерков? Н. Устинович, книги которого известны и за пределами Сибири, постоянно работает над рассказами и очерками, однако в этих номерах альманаха его очерк «На Сибирском тракте» нельзя назвать удачным: это всего лишь зарисовки, нуждающиеся в дополнительном осмыслении; вместо живых образов автор нередко дает простой перечень должностей и фамилий.

Гораздо лучше другая работа этого автора — трехстраничные записки писателя «Золотые росы», также помещенные в альманах. «По роному краю». Как и очерк «Сын снегов» М. Скороходова, — это лучше, что есть в альманахе. В очерках Н. Олофинского и Л. Семенова много искусственной красоты, литературщины. Люди у Н. Олофинского говорят лаянно: «электрический свет — «мгновенный огонь нашей счастливой жизни». В очерке Л. Семенова скучно и нелепо: «Хозяин сел в работу, а высокопарность и многословие портят

интересный очерк П. Рождественского «Хозяева молочных рек» — о Назаровском заводе молочных консервов. Ничего ценного не выносите из путевых заметок М. Константинова «На целину», из поверхностного, побрежно написанного очерка М. Миронова «На окраине Канска». В альманахе «На темы дня» двенадцатой книги альманаха напечатано несколько корреспонденций о том, как осуществляются решения партии и правительства об удовлетворении нужд населения товарами широкого потребления. Вот язык этих корреспонденций: «В нашем городе все еще плохо осуществляется торговля овощами. Основной причиной такого положения является недостаточное количество торговых точек, овощехранилищ, засолочных пунктов».

На эту важную тему надо, конечно, откликаться, но не сухой информацией, а полновесными очерками или глубокими, живыми публицистическими статьями. В альманахе «Публицистика» помещено несколько ценных статей: «Глеб Успенский и Сибирь» и «Декабристы в Енисейской ссылке» А. Малютин, «Тема «Красноярского бунта» в творчестве В. П. Сурикова» Г. Титова, «Народы Енисейского Севера в «Впечатления А. П. Чехова о Сибири» покойного А. Гуревича.

Очень низко качество материала отдела критики и библиографии. Товарищи, взявшие на себя труд оценивать литературную продукцию, пишут так уныло и противоречно, что читать их статью очень трудно.

«Назаров не сумел показать то сознательное начало трудовой деятельности советских людей, которое и составляет главное отличие от труда при капитализме», — пишет О. Орбанова, тем самым утверждая, что П. Назаров не сумел показать главного и что его очерк «На Енисей-реке» заслуживает осуждения. Но до этого в той же рецензии сказано: «П. Назаров изображает трудовую творческую энергию масс...». В другом месте: «Одним из несомненных достоинств очерков является то, что автор хорошо знает и любит все, о чем пишет». П. Назаров здесь сумел избежать ошибки многих очерков (в сожаление, допускает в дальнейшем), которая показывает (?) героев только с одной стороны — со стороны их отношения к своему делу, так сказать, с профессиональной стороны». И дальше: «В книге отсутствует глубокое проникновение в характер многих героев...». Одно противоречит другому, одно исключает другое. Какая, спрашивается, польза от такой критики?

Очень бедным, невыразительным языком пишет кандидат филологических наук О. Пельмиская, автор обзора детских книг, изданных Красноярским издательством в 1952—1953 годах: «В повести живут и действуют хорошие советские люди...», «Хорошо подан автором коллектив кружковцев...», «Поэту хорошо удалось передать...», «Хорошие рисунки ланы...» и т. д. Для статьи это не хорошо, а плохо.

Положительное следует отметить статью П. Рачук «Полесный сборник» — о сборнике рассказов, посвященных старой Сибири, заметки Я. Правдина о творчестве начинающих поэтов и прозаиков края, рецензию П. Сибирцева на альманах хакасских писателей «Абакан».

В общих померах альманаха помещены стихи известного в Сибири поэта Гнатия Рождественского. Им и определяется прежде всего поэтический отдел «Енисея». П. Рождественский — человек талантливый и много уже успел полезного сделать в литературе. Но следует заметить, что в последних его стихах много торжественно написанных строк. Печатаю то, что еще «не отстоялось словом», он, несомненно, вредит своему поэтическому имени. Кроме стихов П. Рождественского, в «Енисее» встречаются стихи Н. Гребнова и Г. Сысоева, над которыми и авторам и редакции следовало бы еще поработать.

Редакция плохо организует альманах, плохо его редактирует. Она небрежительно относится к материалу, который публикует. Мал литературный актив альманаха. Редакция не привлекала бывалых людей, слаб приток свежих молодых сил. Постановление секретариата правления ССП, о котором мы говорили выше, обязало на отчетно-выборном собрании писателей Красноярска. Литераторы, библиотечники, педагоги, студенты, партийные работники не только присутствовали на собрании, но и приняли активное участие в его работе. Их живая заинтересованность в судьбе своего печатного органа — показатель того, что в области есть свежие силы, способные творчески обновить, оживить альманах. Но нужно работать с ними, нужно направлять, вести этот литературный актив.

Красноярские литераторы должны решительно улучшить организационную и творческую работу своего отделения ССП и раздумать своего альманаха. Успех зависит прежде всего от самих писателей Красноярского края, от их активности, от их требовательности к своему труду, от их понимания тех больших задач, которые стоят перед нашей литературой.

За последние годы в нашей стране все более планомерно и глубоко изучается эпос советских народов. Этой плодотворной и интересной работой заняты ученые и писатели, историки и литературоведы, многие научно-исследовательские институты. В столицах ряда республик — Ташкенте и Алма-Ате, Фрунзе и Улан-Уде — состоялись сессии и конференции, посвященные рассмотрению различных эпосов и их версий, определению их характера, их ценности, их народности. Участвовали в этих сессиях и конференциях ученые из республик, из Москвы и Ленинграда. Совсем недавно специальная объединенная сессия Института мировой литературы имени А. М. Горького и Института востоковедения Академии наук СССР подвела некоторые итоги изучения эпоса.

Говоря о результатах работы этой сессии и ее значении для дальнейшего изучения эпосов, нужно прежде всего отметить, что она вновь, на конкретных примерах, на анализе опыта работы, указала ученым на задачу глубокого марксистско-ленинского исследования эпоса, показала, каким должно быть действительно научное толкование памятников народного литературного творчества. Сессия призвала исследователей решительно бороться с проявлениями буржуазного национализма и с проявлениями национальной нигилизма, указав, что только при такой борьбе на два фронта возможно правильное решение сложных проблем изучения фольклора.

Многолетний опыт изучения эпосов, изучения устного народного творчества во многих наших республиках показал, что забвение этого чуждого серьезными опасностями. Известны случаи, когда отдельные ученые и писатели, под видом борьбы с буржуазным национализмом, фактически выступали как национальные шпиглеты и отказывались от ценнейшего культурного наследия.

Так получилось, например, в Бурят-Монгольской АССР.

В 1948 году группа писателей и ученых этой республики выступила в печати с заявлением о том, что эпические сказания о Гэсэре, объединяемые общим названием «Гэсэриада», прославляют бунт в лице Гэсэра кровавого Чингис-хана и его злодеяния, воспевают феодальный строй и культивируют враждебное отношение к русскому народу. Поинту эта группа писателей и ученых утверждала, что Гэсэриада никакого отношения к бурятскому эпосу не имеет, что она заимствована бурятами у других народов и т. п. А вывод из этих ложных утверждений делался такой: Гэсэриада — произведение реакционное, относящееся к феодально-ханскому эпосу. Надо заметить, что подобный рода заявления, никак не оспорив их, опубликовала в марте 1949 года, а затем в феврале 1950 года и «Литературная газета».

В феврале 1953 года состоявшаяся в Улан-Уде объединенная научная сессия Института востоковедения Академии наук СССР и Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры внесла ясность в вопрос о природе Гэсэриады и единодушно решила, что бурятский эпос Гэсэр имеет народный характер. Эпос о Гэсэре принадлежит к числу прекраснейших произведений народного творчества. Исследователи с полным основанием ставят Гэсэриаду в один ряд с мировыми шедеврами эпического творчества. Существует Гэсэриада уже около тысячи лет. Различные сказания о Гэсэре известны в Тибете и монгольских районах Китая, в Монгольской Народной Республике, в Бурят-Монгольской АССР.

В эпос вошли древние мифы и верования, в нем найдено отражение эпохи становления феодализма, отразились и особенности классовых противоречий, и протест народных масс против социальной несправедливости, и мечта народа о справедливом хане. В народных, но фальсифицированных феодалами и ласками сказаниях Гэсэр предстает перед нами как справедливый правитель, храбрый и могущественный герой, поборник интересов простых людей, искоренитель дести зла в десяти странах света. Мифические небожители — а не Будда, например, — посылают его на землю для устранения несправедливости, для уничтожения чудовищ, причиняющих людям зло, для защиты слабых.

Вся жизнь Гэсэра проходит в справедливой борьбе. Писатель Гэсэриада — создание народное, эта справедливая борьба Гэсэра находит выражение во всех версиях эпоса, где бы они ни бытовали и какими бы напастями ни обросли. Эта борьба на свет, Гэсэр уничтожает вора, ослепляющего новорожденных, и зло, который отсуявал у младенцев язык. Позже он победоносно сражается с черными альманахи, пожирателями людей, с чудовищем-мангасом, которое заслоняло

людям солнце, и великаном-тигром, который живьем глотал людей, и с другими подобными чудовищами. Кончается история Гэсэра его справедливой войной с шарайскими ханами. Эти ханы, желая, как говорится в сказании, завладеть красивой женой Гэсэра, напали на его родину, перебили его богатей, разорили страну, а народ угнали в неволю. Гэсэр, вернувшийся на родину уже после нападения противника, вступил в длительную борьбу с тремя ханами и своим родственником — предателем Итоном, перебившим на сторону врага.

Уже из этого краткого изложения ясно, что Гэсэриада — эпическое произведение, а Гэсэр — художественный образ, имеющий много общих черт с другими фольклорными образами, с героями других эпох. Как же можно было отождествлять Гэсэра с исторической личностью — кровавым Чингис-ханом? Гэсэриада создана примерно за шесть лет до появления Чингиса на исторической арене. Следует добавить, что Гэсэриада бытовала не только в монгольской среде, но и в Тибете, у некоторых тюркских народов и т. д. Можно допустить, что монголы воспевали Чингиса. Но у жертв чингисовских завоеваний — у населения Тибета и тюркских народов — для этого не было никаких оснований.

Утверждения, что в Гэсэриаде якобы содержится антирусские мотивы, тоже ложны. В X или XI веке, во время зарождения эпохи, ни тибетцы, ни монголы ничего не знали о русских. Следовательно, в Гэсэриаде не могли отразиться ни симпатии, ни антипатии создателей эпоса к русскому народу. Значительно позднее, когда буриты познакомились с русским народом, это важное в их жизни событие нашло отражение и в бурятском народном художественном творчестве, причем все его произведения рисуют картину самых дружественных отношений между русскими и бурятами.

Ученые и писатели, неправильно осуждавшие Гэсэриаду, — Д. Пыремпидов, Г. Пыдынжапов, Х. Намсарев, Н. Галсанов и другие, — под чудовищно-мангасскими подражаниями русских. Между тем мангас — это омонимическое слово в бурятском и русском. В одном из бурятских сказаний — «Улигэри» — повествуется о поражении мангаса. Из утробы поверженного чудовища вышли толпы и русские и буриты. Значит, и те и другие в равной мере страдали от мангасов. В одной из версий Гэсэриады говорится, что Гэсэр однажды спас от гибели только благодаря бдительности русского казака, который вовремя предупредил героя о нападении мангаса. Ясно, что мангас и русские ведро их противостоять друг другу, и отождествлять их никак нельзя.

Столь же неосновательны попытки доказать, будто Гэсэриада не относится к числу произведений бурятского фольклора. Верно, что у забайкальских бурит бытовали варианты или переделки монгольской литературной Гэсэриады с феодально-ханскими и ласками влияниями и наслонениями. Но так же верно и то, что у забайкальских бурит есть своя собственная Гэсэриада, отличающаяся от монгольской литературной эпоса и по форме и по содержанию. Эта бурятская Гэсэриада напоминает монгольскую лишь именем главного героя и несколькими общими эпизодами. В остальном же она вполне оригинальна. Местами бурятская Гэсэриада отражает более древнюю эпоху, чем монгольская (более подробная мангасовская космогония, наличие пережитков матриархата и т. д.). Явно выражены в ней черты бурятского быта, обычая, верований.

Таким образом, все эти выступления против Гэсэриады носят яркое выраженный нигилистический характер. Для нигилистического характерно неуважение к собственному народу, похолождение, пренебрежительное отношение к культурному наследию. Они по малейшему поводу, а то и без всякого повода готовы охватить и опорошить это наследие, уступить его феодалам, ханам, церковникам, объявить его чуждым народу и т. д.

Естественно, что нигилистические концепции встретили решительный отпор со стороны широкой советской общественности. Эти концепции были разоблачены. Победил правильный взгляд на эпос. В чем же корень ошибок, допущенных некоторыми учеными и писателями Бурят-Монгольской АССР при изучении Гэсэриады?

Ошибки этих писателей и ученых явились результатом их отхода от основных положений марксизма-ленинизма, результатов подмены научного анализа фактов

антиисторическими и вульгаризаторскими построениями. Подход к изучению эпоса у Д. Пыремпидова, Г. Пыдынжапова, Х. Намсарева, Н. Галсанова и других характеризуется в первую очередь антиисторизмом. Они совершенно игнорировали тот неоспоримый факт, что народ феодальной эпохи не похож, скажем, на колхозное крестьянство и что сознание и идеалы народа феодальной эпохи чрезвычайно далеки от советской идеологии. Когда говорят, что то или иное эпическое произведение прошлого выражает думы и чаяния народа, подразумевают, конечно, не советский народ, а народ той эпохи, в какую складывался эпос, например, народ, приравненный феодальной гнетом. Различные эпохи, различные экономические баз, различные общественные строи обуславливают и различие в идеологии. Феодальному крестьянству свойственны и самые запутанные религиозные представления и царские идеалы. Естественно, что создатели эпоса той эпохи не могли быть, например, ни атеистами, ни республиканцами. Но народ всегда протестовал против угнетения, всегда стремился к лучшей жизни. Видя кругом гнет и произвол, народ создал художественный образ справедливого правителя и противопоставил его жестокому реальному хану.

Протестовал народ и против официальной религии, поскольку всегда видел ее служитель в одном ряду со своими угнетателями. В различных версиях Гэсэриады есть резкая критика замства. В древних эпосах нас привлекают не религиозные мотивы или царские идеалы их создателей, а дух народного протеста против существовавшей в то время власти, против официальной церкви, против социальной несправедливости. Как же можно было пройти мимо этих интересных и важных моментов? Какую еще классовую борьбу надо искать в Гэсэриаде? А можно ли сбросить со счета богатство народной фантазии, художественное совершенство образов, непоколебимую веру в силу и бессмертие народа?

В этом случае отчетливо сказались и вульгаризаторское отношение к сложным проблемам изучения эпоса. Вместо вдумчивого отношения к материалу, вместо глубокого анализа его, сторонники критикующей точки зрения скользили по поверхности, увлекались внешними параллелями и сопоставлениями. Ход их рассуждений порою отличался невероятной примитивностью. Раз Гэсэр носит ханский титул, говорили они, раз он ведет бесконечные войны, а жизнь простого народа и классовая борьба не показаны, значит, Гэсэриада — произведение феодально-ханского эпоса.

Да, войны в Гэсэриаде — героическом эпосе — есть, и в большом количестве. Однако дело не в каких-то «войнах вообще». Исследователям надлежало бы задаться вопросами: что это за войны, во имя чего и против кого герой их ведет? Эпос дает на эти вопросы совершенно ясный ответ. Гэсэр родился для того, чтобы избавить людей от бедствий, причиняемых им злыми силами. Если его благодарно. Во имя этих целей Гэсэр и велет войны. Так можно ли упрекнуть Гэсэра за то, что он бесоглавно расправляется с врагами рода человеческого? Конечно, нельзя. Столь же гуманный характер имеет и война Гэсэра против выведенных в эпосе реальных шарайских ханов и их союзника Итона.

Гэсэриада, следовательно, в художественном образе Гэсэра отразила мечту народа о могучем богатыре, который сумеет искоренить на земле злые силы и даст возможность народу мирно жить и трудиться, не опасаясь за свою жизнь и имущество. Удивительные попытки опровергнуть самобытность бурятской Гэсэриады. На сей раз в вульгаризации применяется и большая доля небрежности.

Главный герой бурятской Гэсэриады, рассуждали эти исследователи, — Гэсэр. В монгольской — тоже Гэсэр. Стали быт, Гэсэриада заимствована бурятами у монголов. Остались непонятными основные идейные мотивы произведения. Но как можно, не погрешив против известной истины, отрицать самостоятельность бурятской Гэсэриады? Ведь факт бытования в бурятских улусах эпоса о Гэсэре, эпоса со своеобразными чертами, на которые мы указывали выше, давно зафиксирован фольклористами, и всея республике хорошо известны имена Торова, Дмитриева, Тушешилова и других исполнителей бурятской Гэсэриады.

Задача советских фольклористов — неустанно собирать и изучать различные версии Гэсэриады, сделать этот замечательный эпос достоянием не только бурятского народа, а всех народов Советского Союза. Вопросы изучения культурного наследия народов заслуживают постоянного и пристального внимания научных учреждений и писательской общественности.

## Партийное собрание московских писателей

В ноябре открывается Второй всесоюзный съезд писателей. Что должно стать главным сейчас в деятельности писательско-коммунистов? На решении каких вопросов следует сосредоточить основное внимание партийной организации? Какие формы и методы работы избрать, чтобы достойно подготовиться к всенародному разговору о судьбах советской литературы?

Об этом шла речь на состоявшемся недавно собрании партийной организации Союза советских писателей.

Наша важнейшая обязанность, — сказал докладчик Д. Еремин, — заключается в том, чтобы ускорить пропаганду решений партии по вопросам литературы, давать принципиальный отпор чуждым нам идеям и теориям. Секретариат Союза писателей, наша партийная организация, литературная общественность резко осудили грубые идейные ошибки, допущенные на страницах журнала «Новый мир». Взяв последовательную борьбу за идейную чистоту и художественную зрелость нашей литературы, коммунисты должны выступать как страстные пропагандисты, умелые средствами убеждения, терпеливого разъяснения отстаивать переломные моменты, показывая, что только правдивое раскрытие реальных противоречий и акцентирующей действительности в ее революционной борьбе приводит писателя к истинной творческой победе. Авангардная роль коммунистов должна

сказываться на каждом участке работы. Взяв, например, наши журналы и их критико-библиографические отделы. В журнале арче всего отражаются современное состояние и тенденции развития советской литературы. Здесь коммунисты должны проявить себя организаторами большого творческого разговора.

Масштабы предостерегающей работы велики, содержание ее крайне разнообразно, и надо добиться, чтобы все звенья нашего партийного аппарата действовали четко и слаженно. Это относится и к решению организационных вопросов, и к состоянию идейно-воспитательной работы. Надо и впредь вести борьбу за чистоту морального облика советского писателя. Личным примером, честным творческим трудом — всем строем своей жизни писатели-коммунисты должны обрести высокое знание и уверенность человеческого духа.

Мы, московские писатели, — говорит тов. Еремин, — несколько замкнулись в своей литературной среде. Нам надо чаще бывать у рабочих, колхозников, выступать перед интеллигенцией, чтобы в полной мере удовлетворять тот огромный интерес, который проявляет наш народ к писательскому труду, к предстоящему съезду.

В. Галин напомнил слова Горького, писавшего с трибуны Первого съезда писателей: «...партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга,

Учить — значит взаимно делиться опытом». Божданович, мы мало делимся опытом. Секретариат Союза писателей и даже наша партийная организация опираются на узкий круг людей. Обратить активом — важнейшая наша задача.

Вопросам дальнейшего повышения идейности писателей, воспитания принципиальности, истерического отношения к идейным ошибкам и извращениям по святости свое выступление Л. Лесюевский.

Отставив наши ясные партийные позиции, — сказал А. Сурков, — мы, коммунисты, должны действовать настойчиво, силно, чувствуя доколот товарища. Сейчас перед нами стоит большая задача: поднять писателей на большую, глубокую и интересную творческую дискуссию, которая помогла бы нам беспоглавно, по спокойно и точно отделять слабое от хорошего и помогла бы лучше понять, как хорошее и разное может жить вместе, делая великую литературу сегодняшнего социалистического и завтрашнего коммунистического общества.

А. Деметев и С. Смирнов выступили с признанием серьезных ошибок, допущенных ими как членами редакционной коллегии журнала «Новый мир».

Собрание приняло развернутое решение.

# ПО ДОРОГЕ В ПАРИЖ

Почти у самого окна Пражского аэропорта мы под дождем большой светосерый самолет с красной надписью по фюзеляжу: «Air France» — «Эр-Франс» (название французского авиационного общества). Было досадно смотреть из окна, как стекает вода с крыльев этого самолета, а сам он стоит на бетоне аэродрома вместо того, чтобы находиться в воздухе и уже полететь с нами в Париж.

Александр ЧАКОВСКИЙ,  
специальный корреспондент  
«Литературной газеты»

Но мы напрасно сетовали на задержку — погода была действительно сверная. Через три часа мы, наконец, взлетели. Непонятно, что утешительного сообщила нам пилот метеоуслуга: уже после 15 минут полета мы попали в крошечный туман и лихорадочную болтанку.

Мы притихли. И тогда на сцену выступил один из членов экипажа, еще сравнительно молодой черноволосый парень. О нем и пойдет теперь речь.

— Как неумолимо боится! — воскликнул парень необыкновенно радостным голосом. — Свист... фью... он показал голом и жестами, как именно и в какие стороны нас боится. — Но это ничего! Все в полном порядке!

— Ничего особенного, — довольно хмуро подтвердил один из моих спутников, советский кинооператор, направляющийся через Париж в Дамаск на международную ярмарку.

— Подумаешь, туман! Вот если гроза... Точно по заказу, в этот момент туман пронесла ослепительная молния. Тяжелый град оглушительно зарождал по фюзеляжу.

— Какая иллюминация в вашу честь! — вскричал черноволосый авиатор так восторженно, точно обрадоваться сильнее было невозможно. — Какой грохот, словно с четверной пулемет! Мне это знакомо. В войну я был стрелком, служил в авиационной полку «Нормандия — Неман». Месье — болгары или чехи?

— Русские.

— О, о! — воскликнул парень и вдруг осекся. По лицу его медленно поплыла улыбка. Чувствовалось, что служебный оптимизм, возмативший прямо пропорционально силе града и яркости молнии, уступил место чему-то другому — искреннему, непосредственному, человеческому.

— Ну как живется во Франции? — спросил я. Мне очень хотелось помочь ему выполнить свой служебный долг — завязать разговор, отвлекаясь от того, что творилось за стеклами окон самолета.

— Французы не унывают, — сказал парень. — Правда, после войны нас все время лихорадит, а сейчас в Париже просто буря, вроде этой, — и он указал пальцем в окно.

— Если не ошибаюсь, на городском гербе Парижа изображен корабль, захлестываемый волнами?

— Какое дело, но он не тонет, — ответил парень своим девизом, начертанным на гербе Парижа, и добавил: — Не хотят ратифицировать договор «европейской армии».

— Да, да, месье, этот договор мы ни за что не должны ратифицировать, — повторил наш собеседник. — Черт с два мы будем вооружать бошей! Я с ними дрался, а теперь вооружать? Это невозможно! Во Франции, правда, есть люди, готовые еще раз продать страну, но чтобы

мы согласились вооружать бошей только потому, что это надо американцам? Нет! — это я вам говорю... Он стоял перед нами, сияющими в красках, широко расставив ноги и опираясь руками о багажные полки.

В эти минуты мы болтались в крошечном тумане на высоте 3 000 метров над Германией. Мы, естественно, не знали, что число делегаций от различных общественных организаций и населения Франции, съезжающей в Национальное собрание и правительственные учреждения с петициями протеста против ратификации договора «европейского оборонительного сообщества» и требующих отозвать от политики вооружения бонских реваншистов, достигло в эти часы 150. И что под полойбой петиций в одном только департаменте Бушю-Рон подписалось 450 000 человек.

Прошло еще несколько часов, прежде чем мы узнали, что в департаменте Сена и Уаза петицию протеста против «европейской армии» подписали 120 тысяч жителей, что Союз французских женщин, Унитарная социалистическая партия, Союз республиканской молодежи Франции, федерация республиканских офицеров и унтер-офицеров запаса и ряд других организаций также решительно выступили против ратификации парижского договора.

Но в те минуты, в самолете, я, никогда не бывавший во Франции, вдруг почувствовал, что уже нахожусь на французской земле, слушаю голос французского народа. И вот этот, стоящий передо мной честный, горячий, веселый, ироничный и резкий в суждениях парень как бы воплощает в себе качества, истери отличают великий и свобододобивый французский народ. Я понял, что та горячность, с какой этот человек, начав говорить совсем о другом, уже на третьей фразе перескочил на тему предстоящих дебатов в Национальном собрании о «европейском оборонительном сообществе», назначенных на 28 августа, очень характерна. Она показывает, как близко к сердцу принимает французский народ германскую проблему.

— Никаких военных договоров! — снова заговорил парень. — Вот увидите, горячим будет день 28 августа в Национальном собрании! Мы не хотим, чтобы через несколько лет в нас снова стреляли. Никаких военных договоров! Мы добиваемся своего, если чего-либо захотим как следует. Франция есть Франция, и давайте выйдем за Россию и Францию! — неожиданно закончил он.

Мы подняли рюмки, некоторые парень наполнил ковшом из обернутой в целлофан пестрой бутылки. Под этот тост самолет вырвался из тумана и полетел под голубым небом.

Парень на минуту скрылся в кабине пилота, вернулся, сообщил: он сказал пилоту, что летят советские граждане; пилот обещал устроить нас в Страсбургском сообществе. Смысл этих слов мы поняли чуть позже: пролетая над Страсбургом, пилот спустился очень низко для того, чтобы промониторировать нам знаменитый готический собор.

Было уже темно, когда мы прилетели в Париж. Снова сгустился туман, и огненные буквы «Париж — Орли», горящие на фронте аэропорта, мы разглядели лишь тогда, когда колеса самолета коснулись бетонной дорожки.

ПАРИЖ, 27 августа. (По телефону)

# СОКРОВЕННЫЕ МЫСЛИ ВСЛУХ

Махровые бонские реваншисты на все лады популяризируют «европейское оборонительное сообщество». Наиболее ретивые из них с поистине медвежьей ловкостью выхватывают при этом свои сокровенные замыслы, оказывая плохую услугу официальным адвокатам военной группировки шести стран Западной Европы.

Прежде всего эти популяризаторы напоминают о том, что план сколачивания подобного «сообщества», собственно говоря, не блещет новизной. Они точно и определенно называют подлинного родоначальника проекта «европейского единства».

Так, журнал «Вервирштафтле рундшау», орган существующей в Западной Германии милитаристско-реваншистской организации «Гельмгольф Фюр Веруниде», с гордостью писал недавно, что не кто иной как «Гиммлер разработал план европейского оборонительного сообщества, поразительно напоминающий теперешний». Журнал сокрушается по поводу того, что Гиммлер не успел воплотить в жизнь свой проект «европейской интеграции».

Именно то, что свобододобивые народы помешали сделать Гиммлеру и его подружкам, теперь пытаются осуществить бонские милитаристы, поддерживаемые американцами.

Но народы Западной Европы решительно выступают против этого гиммлеровского проекта в его нынешней американской упаковке. В «бонской республике» большинство населения также отрицательно относится к договору о «европейской армии». Это признает, например, западногерманский институт по изучению общественного мнения. И потому Аденауэр и его сподвижники не надают каждому выступлению в странах Западной Европы в пользу договора о «европейском оборонительном сообществе».

Те, кого агрессия германского милитаризма ничему не научила, кто, предаваясь опасным иллюзиям насчет истинных замыслов бонских реваншистов, высту-

пает за «европейское оборонительное сообщество», — эти лица удерживаются у трубулов Бонна «высшей аттестацией». Откровенно фашистский журнал «Цейтшрифт Фюр Геополитик» называет западноевропейских поборников «европейской армии» «спасителями единства Европы».

Журнал настойчиво отстаивает гиммлеровское «единство Европы». Какова ближайшая задача этого «единства», объясняется в статье, прозрачно озаглавленной «Германское пространство как европейская задача».

Речь в ней идет не о том германском пространстве, которое определено границами 1915 года и во вине западных держав рассечено надвое; речь идет о том самом «пространстве», которое гитлеровские агрессоры захватили в 1938—1945 годах и на которое они, возложившие своими зарубежными опекунами, вновь претендуют.

Журнал предлагает «объединенной Европе» выполнить «задачу» бонских реваншистов. Необходимо, пишет он, путем внесения поправок «в немецкое и славянское жизненное пространство» восстановить «естественное положение вещей» и «обеспечить соответствующий порядок в расположенных сил». Другими словами: реализовать под высшей ЕОС программу разбивочного германского империализма. Все это, с точки зрения теоретиков из «Цейтшрифт Фюр Геополитик», было бы вполне «естественно». По их мнению, «естественно» все, что служит захватническим целям Бонна.

Как мы видим, бонских реваншистов не обвинили в том, что они пытаются скрыть свои замыслы, связанные с «европейским оборонительным сообществом». Наоборот, их мысли вслух прельстительно откровенны и наглы и, казалось бы, ни у кого не должны вызывать никаких сомнений. В том числе и у тех депутатов французского парламента, которые поныне колеблются, не зная, ответить утвердительно или отрицательно на вопрос о создании «европейского оборонительного сообщества».

# Снова на пьедестале

Благоволение американских покровителей и их бонской агентуры распространяется не только на ныне здравствующих членов семейства Крупна, но и на усопших носителей этой фамилии.

Недавно в Эссене (Западная Германия), как сообщает французский еженедельник «Франс д'Обер», в торжественной обстановке состоялся церемония возведения на старое место статуи основателя династии немецких пушечных королей — Альфреда Крупна. Статуя была сброшена с пьедестала во время второй мировой войны взрывной волной от разорвавшейся авиацион-

бы. Ныне сей монумент немецкому милитаризму снова красуется у входа на одно из крупновских предприятий и как бы олицетворяет возвращение Крупнов к власти в Западной Германии.

Нынешний глава семейства Альфред Крупн фон Болен унд Гальбах, военный преступник, по милости американцев разгуливающий с толстой чеховой книжкой на свободе, естественно, присутствовал на символическом «торжестве», знаменующем открытый переход его завалов на изготовлении вооружения для аденауэровского вермахта.

# КОГДА ВОПИЮТ КАМНИ

Однажды, будучи еще школяром, вызвал я любопытством своим занятый рассказ, который несколько дней тому назад нежданно ярко вспомнился мне, когда я читал статью американского журналиста Стоуна, напечатанную им в его бюллетене «А. Ф. Стоунс ункль».

Рассказ этот был сообщен мне при следующих обстоятельствах.

Стояла такая лютая зима, каких даже в Сибиряки, привыкшие к яростным холодам, не могли припомнить. Нечи в школе толпились усиленно. И вот от усиленной этой толпы одна из печей допуща. Когда мы пришли в класс, занятия оказались отменными, а в классе, возле крыльца с правой и левой стороны, стоял пеньник и рядом с ним — наш сторож, он же черноволосый зловрачье. Это был высокий широкоплечий мужчина с такими же глазами и прозрачными глазами, что, казалось, сквозь них можно увидеть пометки его сапог. Деревянные пеньники, как я заметил, люди весьма начитанные в писании. Сторож своими знаниями в этой области, как говорили, превосходил всех пеньников не только Павлодарского округа, но и всей Семипалатинской области. Ну, естественно, что встречи их всегда были интересными.

Я только что прочел книгу, несколько слов из которой были мне непонятны. Учителя в классе не было, и это не огорчило меня: пеньник и сторож, думаю, знают, пожалуй, не меньше, а больше! И я спросил: — Дяденька! Что такое фундамент?

Сторож посмотрел на меня, подумал и, обращаясь к пеньнику, сказал: — Фундамент! Вот, к тому, что мы с тобой говорим, есть еще такая сказка про фундамент этот самый, без которого и жизнь не в жизнь. Яид у нас на Алтае, в горах, один работающий мужик. Ну, поднял он новое, впахал пашню, женился, начал строить дом. Строил он его дождю, упорно, фундамент подвел под него каменный, бревна подбирал одно к одному, в два обхвата. Появился у него дети. И было у него их четверо! Дети, ничего, работающие, и пока жив был отец, даже и умом перед другими отличались. Жить по три века никому не положено: отец состарился, помер. Помирая, говорит он детям то, что все отцы, помирая, говорят: «Живите, дети, мирно, и в этом ваш главный ум будет». Они послушались. Бабы ругаются, а братья, ничего, живут хорошо, смирно.

Тогда в ту пору случилась в Алтайских горах золотая болезнь. Золото открылось. Ну, и кинулись: кто — на прииски, кто — старатели. И открылось тоже золото в горной щели, поближе от того дома, где братья жили. И то главное: золото лежало в породе, как раз в такой, какую старик когда-то оттуда для своего дома на фундамент брал. А так того золота много в той породе, что его из щели пудами каждый день везут. Ну, ходят мужики возле дома, смотрят на свой фундамент, а он — высокий, в человеческий рост, и сердце у мужиков ноет! В одну такую бессонную ночь взял младший брат дом и молот, подобрался к фундаменту, выковырял камень побольше, повалил его на тарху, — да и в лес, к ручью. Добыл камень, мост в ручье, шпунет, смотрит — нет ли золота?.. И слышит: по ручью в одной стороне — тук... тук; в другой — тук, тук, тук... тоже, вроде, молотком камень дробят? Мужики не до стукров. Раздробил, золота не нашел. — азарт еще больше. — он за другим камнем. Талант второй камень из фундамента и думает: «Что это, вроде, у меня сил прибавилось: камень идет легче». Он, вилы, не замечает, что трое его братьев тоже по камню из фундамента вытаскивали и дробят их в лесу. Ну, раздробил он опять камень, талант третий из фундамента, а тут рассветало: при солнышке работа спорится, да и золото скорее разгадывается. Идет он опять к дому, и видит, старший брат волочит едва ли не самый крупный камень. А тут бабы кричат, они пропущили коров доить, да и увидели дело немысленное. Ну, младший-то и говорит старшему: — Ты что же это, болячка, делаешь? Тебе, по возрасту, нас учить, а ты весь фундамент у збы рушишь! Давай-ка камень сюда, я его под жилище вставлю, обратно, значит!..

И врет! Ему золото в братнином камне мерещится. Да и не только одному, — всем им мерещится. И так мерещится, что они — в тощору и друг на друга! Бабы бы унимать, а бабы-дуры, вопиющим прежние перебранки, давай наусьмывать!.. Возмущал младший брат на старшего топором, минута — зарубил бы, да только тут вообразил камень, из-за которого они дрались, человеческим голосом:

Всеслод ИВАНОВ

— Это что же вы, говорит, сукины дети, делаете? Из-за чего друг на друга с топорами? Сам я иду на прежнее место, и коли посмеете, мразавцы, меня погнать...

Тут кинулся камень на свое фундаментное место, да, зная, сгорая прометил и заместо земли ударил в угол. А из-за без фундамента, еле-еле стояла, как ударил ее камень, так она и набок! А в затгнетке, под золой, угли. Ну, они рассматились от удара, донь был ветреный, раздуло поляны, и тогда сгорели братья...

Вслушав сказку сторожа, пеньник, видимо, продолжая беседу, сказал настаивательно: — Когда вопиют камни, не только что дома, царства рушатся!

Отлично сказал пеньник! Я не только на много лет запомнил его слова, но и протажно грустную интонацию его голоса, и жест его испачканных глиной рук, как бы взвешивающих судьбы царств. И вот теперь вспоминаю.

Биография Стоуна мне неизвестна. Знаю только, что он буржуазный журналист, раньше работал в газете «Деяли компас».

# УСЕРДНЫЕ ПОЧИТАТЕЛИ...



— Теперь почитаем, что нам делать дальше... Рис. Н. Лисогорского

а сейчас издаст бюллетень «А. Ф. Стоунс ункль». Недавно в своем бюллетене он напечатал статью, которая называется «Наступило время спасти Америку от фашизма».

«Стоун» в переводе с английского значит «камень». Это — один из тех камней, которым стало невтерпех и которые возпили!

Статья Стоуна напечатана 19 июля, то есть примерно за месяц до того, как сенат и палата представителей США приняли законопроект о лишении коммунистической партии Соединенных Штатов всех прав, какими могут пользоваться все другие партии. Статья Стоуна довольно верно передает настроения американских правых кругов:

«Атмосфера в Вашингтоне до неопределенности наполнена атмосферой в непрочных банановых республиках, смертельно боищихся непосредственно угрожающего им «левого переворота». В удашную июльскую жару правительстве в столице было охвачено каким-то безумием. В дни, предшествующие закрытию сессии конгресса, оно уселено продвигало такую суровую и обширную программу репрессий, что она должна поразить иностранного наблюдателя».

Стоун прав. Иностранцы, даже и находясь за тысячи и тысячи километров от США, пораженные, и пораженные очень сильно. Это естественно: в Соединенных Штатах свершаются дела, которые должны возмутить всякого порядочного человека, всякого борца за мир и цивилизацию.

Мы ненавидим фашизм. Для свершения фашизма, Гитлера, Муссолини и всех их помощников, палачей, для уничтожения ослепленных и майданков народы перенесли нечеловеческие страдания, свершили небывалые подвиги, принесли огромные жертвы.

И неужели же мы спокойно можем читать о том, что власти США объявляют весь закон коммунистической партии американского народа, защитницу рабочего класса, защитницу демократических свобод, всей культуры, которой так гордится американский народ?

И разве этот закон чем-нибудь отличается от законов Гитлера, бросившего в тюрьму и казнившего сотни и тысячи че-

стнейших людей Германии, борющихся за счастье германского народа, за мир, против войн?

Неужели положение в США столь тревожно, что правительству грозит «левый переворот»?

Не думаю. И вряд ли правящие круги сами верят в «левый переворот».

Они делают вид, что верят, и делают вид очень усердно.

Дело в том, что США находятся накануне экономического кризиса. Выход из него империалисты видят в войне. И они раздувают военную истерию, тонку вооружений, пытаются искусственно задержать разорывание кризиса. Они пугают страну «левым переворотом» и приходом к власти коммунистов, которые-де разведут догала всех американцев и пустят их по свету собирать милостыню... — в атмосфере запугивания и репрессий удобней готовиться к войне! Они боятся, что если не будет ни военной истерии, ни военных заказов, то наступит кризис, безработица, рабочие волнения, волнения фермеров и финансовые крахи.

Тайна, как видите, довольно простая и всем известная, и именно потому, что она всем известна, ее, как кажется правящим кругам США, сможет превратить в подлинную тайну возрожденный фашизм.

Вот почему перед принятием закона о запрещении коммунистической партии руководители круги США вели громкую, наглую и лживую кампанию против всех, кто в той или иной мере клеймит и презирает военную и антикоммунистическую истерию.

Торжества и судебные процессы «за связь» с многими «подпольными организациями», то есть за знакомство с коммунистами или даже с людьми прогрессивно настроенными, за «пропаганду марксистских идей», то есть за чтение книг Маркса или Ленина; черные списки, попов в которые, вы ни при каких условиях не сможете попасть на работу, высылка из страны лиц «иностранного происхождения», преследование общественных деятелей, ученых, служащих, чиновников, профсоюзных лидеров и участников забастовок... божья воля, сколько же вопиющих камней в этой стране, какой над ней нестесняется ужасный и печальный стон, и как, наверное, стыдно порядочным людям за свою страну!

Да и как не будет стыдно, когда вы, например, прочтете о таком факте.

В штате Индиана местная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности включила в списки «подпольной литературы» сказки братьев Гримм. В штате Иллинойс на каждом экземпляре сказок Андерсена, находящемся в библиотеках, поставлен красный штамп, запрещающий выдавать книгу читателям.

Зантересовавшись этим сообщением, я немедленно просмотрел все сказки и бр. Гримм и Андерсена. И что же? Как видно, большинство нравов штатов Иллинойс и Индиана думают, что между идеями Советского Союза и творениями бр. Гримм и Андерсена можно поставить знак равенства. Климат страны, где родились сказки бр. Гримм и Андерсена, и климат России родственны. Там — зима, и у нас — зима. Там — лето, и у нас — лето. Там светит розь и собирают ягоды, и у нас — то же самое. Ну, как же не запретить?

Русский народ всегда с глубочайшим уважением относился к американскому народу. И потому, что мы желаем счастья и процветания народу американскому. Нам тяжело и грустно читать о том, что черная, кровавая лапа фашистского зноя протискивается к демократическим завоеваниям американского народа.

И вместе с тем мы верим, что прогрессивные силы США дадут достойный отпор силам фашизма и реакции. Силы прогресса, защищающие цивилизацию и культуру против мракобесия и рабства, найдутся в движении и растут день ото дня.

Камни не только вопиют, но и летят в сторону врагов культуры.

Движение против фашизма и мракобесия принимает различные формы.

В штате Индиана, где, как мы сообщили, запретили сказки бр. Гримм, решено было запретить излагать в школах историю английского народного героя Робин Гуда. Потому, видите ли, что у Робин Гуда были «коммунистические взгляды» и он осмелился отнимать лишнее у богатых. Студенты университета в ответ на запрещение легенды о Робин Гуде образовали группу под названием «Робин Гуд и его веселые ребята».

«Веселые ребята Робин Гуда» выступили прокламацию, в которой призывали к борьбе против угрозы фашизма и мракобесия. Символом борьбы за интеллектуальную свободу они объявили зеленое поле, какое когда-то, несколько сот лет назад, носил на своей шляпе свобододобивый сын английского народа Робин Гуд.

Через несколько дней три тысячи студентов Индианы носили зеленые дерьшки! По всему Среднему Западу стали возникать группы «Веселых ребят Робин Гуда».

В июне и июле тысячи зеленых перьев появились в штатах Орегон и Калифорния, в Вашингтоне и, наконец, в Нью-Йорке. В течение нескольких недель более тридцати учебных заведений включилось в эту кампанию протеста и свыше 75 тысяч студентов пошли под зелеными перьями. Сейчас, как пишут, число «веселых ребят» с зелеными дерьшками перемахнуло за сто тысяч...

Ну, что же, одно перо — только перо. Сотни перьев уже крыло, несколько сот — крылья той веселой и жизнелюбивой птицы, которая летит к свободе и которая сама — свобода!

Ел. КОЛЧИНА

# БЕЗ РАБОТЫ, БЕЗ КРОВА



Венский рабочий-строитель Карл Бендер «спроживает» под пролетом моста Зальцбургские. Фирма, где работал Бендер, обанкротилась, и рабочие оказались на улице. Бендер лишился крова, новую работу найти было невозможно. Пришлось поселиться под мостом. Здесь все завалено отбросами и всяческим хламом, поминутно шныряют крысы. «В этой дыре я погибну», — говорит Бендер. На снимке слева: Карл Бендер в своем «жилище» под мостом. На снимке справа: стрела указывает на вход в «жилище» безработного. Снимки из австрийского журнала «Вельт-иллюстриertes».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Е. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕВЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.